

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-87-156>
<https://elibrary.ru/QZNMJO>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no.4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Переписка В.П. Семенова-Тян-Шанского с И.А. и В.Н. Буниными

Вступительная статья, подготовка текста и примечания
М.А. Семенов-Тян-Шанского

© 2025, М.А. Семенов-Тян-Шанский
Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия

Благодарности: Автор пользуется случаем принести глубокую благодарность внукам В.П. Семенова-Тян-Шанского Майклу Гейну и его брату Николасу Гейну за неоценимую помощь.

Аннотация: В статье впервые публикуется переписка И.А. Бунина с Валерием Петровичем Семеновым-Тян-Шанским (1871–1968). В.П. Семенов-Тян-Шанский — юрист, государственный деятель, мемуарист, художник, видный представитель первой русской эмиграции. Его переписка с И.А. Буниным охватывает период с 1926 по 1953 гг.; к ней примыкает переписка В.П. Семенова-Тян-Шанского с В.Н. Буниной после смерти И.А. Бунина. Переписка содержит важные биографические материалы о И.А. Буinine, о семье Семеновых-Тян-Шанских, об истории русского зарубежья. Публикация содержит не опубликованные ранее материалы из семейного архива. Переписка с В.П. Семеновым-Тян-Шанским послужила для Бунина источником сведений, вошедших в его мемуарный очерк «Семеновы и Бунины». Одна из важных тем переписки связана с судьбой и творческим наследием старшей сестры В.П. Семеновым-Тян-Шанского Ольги Петровны Семеновой и ее посмертно опубликованной книги «Жизнь Ивана»; замысел Бунина написать об Ольге Петровне, к которому он несколько раз возвращался в своих письмах, остался нереализованным. Важный эпизод переписки связан с подготовкой доклада о творчестве Бунина, который Валерий Петрович сделал весной 1933 г. по просьбе Русского академического объединения в Финляндии. В ответ на просьбу помочь в подготовке доклада Бунин прислал Валерию Петровичу пачку рецензий, отобранных Верой Николаевной. Доклад был прочитан в июне 1933 г. и затем повторен в декабре 1933 г. уже после награждения Бунина Нобелевской премией; текст доклада заслужил высокую оценку

самого Бунина, откликнувшегося на его присылку теплым письмом. Доклад не был опубликован (в «Журнале содружества», издававшемся в Выборге при участии В.П. Семенова-Тян-Шанского, было помещено только его краткое резюме); текст доклада подготовлен к публикации и планируется к печати в одном из следующих номеров «Литературного факта».

Ключевые слова: Валерий Семенов-Тян-Шанский, Иван Бунин, Вера Бунина, «Издательство имени Чехова», Русское зарубежье, издательская деятельность, архив писателя.

Информация об авторе: Михаил Арсеньевич Семенов-Тян-Шанский — независимый исследователь, доктор физико-математических наук, историк культуры России XIX–XX вв., г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: semenov@pdmi.ras.ru

Для цитирования: Переписка В.П. Семенова-Тян-Шанского с И.А. и В.Н. Буниными / вступ. ст., подгот. текста и примеч. М.А. Семенова-Тян-Шанского // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 87–156. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-87-156>

Валерий Петрович Семенов-Тян-Шанский родился в Санкт-Петербурге 17 декабря (по старому стилю) 1871 г. в семье выдающегося русского ученого-географа и государственного деятеля Петра Петровича Семенова (почетную приставку Тян-Шанский он получил вместе со всем нисходящим потомством в 1906 г. в ознаменование 50-летия своего знаменитого путешествия). Окончил 8-ю классическую гимназию (1891) и юридический факультет Петербургского университета (1895). Как и его сестра Ольга и брат Вениамин, Валерий в отрочестве начал заниматься рисованием у художника-акварелиста Н.А. Гоголинского. Впоследствии, уже в эмиграции, занятия акварелью сделались его второй профессией¹.

По рекомендации отца Валерий Петрович в 1895 г. поступает на службу во 2-й департамент Правительствующего Сената, ведавший делами сельского населения России, в котором служил и сам Петр Петрович. Через четыре года он становится помощником обер-секретаря, затем обер-секретарем 2-го департамента Сената, а в 1910 г. занимает должность товарища обер-прокурора, одновременно входя в состав Совета Министра юстиции. При Временном правительстве Валерий Петрович, продолжая занимать должность товарища обер-прокурора 2-го департамента Сената, в мае 1917 г., как представитель Министерства юстиции, был привлечен к участию в работе Главного земельного комитета, разработал план земельной реформы в России. Службу в Сенате Валерий Петрович завершил, приняв участие в его последнем чрезвычайном собрании 30 октября

¹ См. о нем: [4].

*В.П. Семенов в группе российских участников Всемирной Выставки (Париж, 1900 г.).
Сидят в центре Г.И. Радде и П.П. Семенов-Тянь-Шанский. В.П. Семенов стоит
2-й слева. Фото О. Брессона (Париж).*

© Фонд наследия П.П. Семенова-Тянь-Шанского

*V.P. Semenov in the group of Russian participants at the World Exhibition (Paris, 1900).
Sitting in the center: G.I. Radde and P.P. Semenov-Tyanshansky. V.P. Semenov
is standing 2nd from the left. Photo by A. Bresson (Paris).*

© P.P. Semenov-Tyanshansky Heritage Foundation

1917 г., после октябрьского переворота, заявившем о незаконности новой власти.

В 1896 г. Валерий Петрович под руководством отца участвовал в организации Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. Спустя 4 года он вместе с отцом участвует в устройстве российского отдела на Всемирной выставке 1900 г. в Париже. Павильоны России на выставке имели огромный успех. Французское правительство отметило заслуги В.П. Семенова, наградив его орденом Почетного легиона.

С началом Русско-японской войны Валерий Петрович был приглашен управлять делами Комитета императрицы Марии Федоровны по попечительству семей призванных в ряды армии на Дальний Восток, а во время Первой мировой войны он вошел в состав Татьянинского Комитета под покровительством великой

княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных действий.

После кончины П.П. Семенова-Тян-Шанского в 1914 г. Валерий Петрович активно занимался сохранением наследия отца. Он участвовал в передаче его знаменитой коллекции картин Императорскому Эрмитажу; вместе со старшими братьями Андреем и Вениамином он готовил к изданию два первых тома мемуаров отца — «Детство и юность» и «Путешествие в Тянь-Шань». При этом Валерий Петрович специально ездил в Москву, где работал в сенатском архиве, добывая сведения об истории рода Семеновых вплоть до XIV в.

После роспуска Сената Валерий Петрович начал работу в размещенном в здании Сената историческом архиве, занимаясь подготовкой и передачей туда бумаг двух департаментов Сената. Во время красного террора 1 сентября 1918 г. он был арестован и некоторое время находился в заключении в Дерябинских казармах в Гавани. Одновременно с Валерием Петровичем были арестованы несколько его сослуживцев по Сенату. Все они, кроме Валерия Петровича, были расстреляны без суда во вторую ночь после ареста. Неделями раньше — и еще до формального начала красного террора — в Кронштадте был расстрелян или утоплен двоюродный брат Валерия Петровича Ю.В. Десятовский. Арестованный вместе с ним племянник Валерия Петровича М.Д. Семенов-Тян-Шанский чудом уцелел. Свое собственное освобождение Валерий Петрович также приписывал «чудесному стечению обстоятельств»². После еще одного ареста стало понятно, что дальнейшее пребывание в Петрограде становится смертельно опасным. В конце 1918 г. или начале 1919 г. Валерий Петрович вместе с женой и двумя детьми нелегально перебрался в Финляндию, где он еще в начале века купил для своей семьи небольшую дачу на оз. Сайма. По семейному преданию, его 18-летний сын, уехавший отдельно от родных, вплавь перебрался через уже замерзавшую Вуоксу. После переезда в Финляндию Валерий Петрович по приглашению В.Д. Кузьмина-Караваева, его сослуживца по Сенату, бывшего в 1919 г. министром снабжения Северо-западного правительства, был назначен его заместителем и некоторое время занимался продовольственным обеспечением Северо-Западной армии³.

² Шаховской М. К 95-летию В.П. Семенова-Тян-Шанского // Возрождение. Париж, 1966. № 180. С. 108–111.

³ Там же. С. 110.

Первые годы жизни в Финляндии Валерий Петрович провел на Сайме; он пробовал заняться предпринимательством — лесной торговлей, но успеха не имел. Живя на Сайме, Валерий Петрович приютил у себя небольшую колонию русских беженцев — бежавшего в 1921 г. из Петрограда племянника и вдову своего сослуживца по Сенату Н.И. Хрущеву. Единственным положительным результатом его коммерческой деятельности стало знакомство с молодым английским инженером и предпринимателем Рудольфом Гейном, представлявшим в Финляндии лесоторговую фирму своего отца⁴. В 1924 г. 20-летняя дочь Валерия Петровича Елена вышла за него замуж и уехала в Англию. После отъезда дочери Валерий Петрович перебрался в Выборг и еще через несколько лет в Гельсингфорс. Финансовое положение его было в эти годы достаточно трудным. Живя в Выборге, Валерий Петрович активно участвовал в жизни русской эмиграции в Финляндии как член Русского Академического объединения и Совета Русской колонии; он входил также в состав редакции выходившего в Выборге ротاپринтного «Журнала содружества». Ему принадлежит, в частности, опубликованная в этом журнале одна из первых работ о ГУЛАГе «Что такое концентрационный лагерь», основанная, как он писал, «главным образом, на свидетельских показаниях тех вполне достоверных свидетелей, которые лично прошли через “концлагерь” и волею счастливой судьбы вырвались...»⁵.

Родство с Буниными, о котором Петр Петрович подробно написал в своих мемуарах, всегда интересовало Семеновых, которые гордились своей связью с Анной Петровной Буниной, знаменитой первой русской поэтессой, родной сестрой бабушки Петра Петровича, как и более отдаленным и недостаточно прослеженным родством Семеновых с Василием Андреевичем Жуковским. Гордились они и отдаленным родством с Иваном Алексеевичем Буниным; брат Валерия Петровича Андрей называл его в своих письмах лучшим поэтом современной России⁶. В сентябре 1917 г. вскоре после выхода из печати 1-го тома мемуаров Петра Петровича Валерий Петрович послал этот том Бунину при следующем письме:

⁴ Перед революцией отец Р. Гейна предполагал, что сын будет вести дела фирмы в России, поэтому он основательно выучил русский язык. Впоследствии, во время войны и в первые послевоенные годы, Р. Гейн работал в Британском посольстве в Москве.

⁵ *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Что такое концентрационный лагерь // *Журнал содружества*. 1935. № 2 (26). С. 5–8; № 4 (28). С. 7–12.

⁶ См. письмо А.П. Семенова-Тян-Шанского В.П. Шнейдер от 16 декабря 1921 г. [11, с. 464].

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич.

Читая Ваши стихотворения, я прочел и Ваши автобиографические заметки, в которых Вы, между прочим, вскользь упоминаете о Вашем свойстве или родстве с Грот⁷. Позвольте Вам послать 1 том мемуаров моего покойного отца, где Вы найдете немало сведений не только о Вашем родстве с Грот, но и с нами, Семеновыми, и с Жуковским, а также прочтете не лишние интереса строки о Вашей родственнице, «Российской Сафо», поэтессе Буниной, крестной матери моего отца.

В надежде на то, что в наше тяжелое для всякого интеллигентного человека время посылаемая книга, может быть, доставит Вам несколько часов душевного отдыха, т. к. даст возможность совершить небольшое путешествие в тот мир, для которого наступил уже суд истории,

Остаюсь искренне Вас уважающий

В. Семенов-Тянь-Шанский⁸.

Через год, в июле 1918 г. брат Валерия Петровича Андрей снова послал И.А. Бунину, бывшему тогда в Одессе, мемуары Петра Петровича. Мы не знаем, получил ли Бунин эти посылки, но без сомнения, оказавшись затем в эмиграции, он уже не имел к ним доступа. Однако через несколько лет Бунин разыскал адрес Валерия Петровича и послал ему свои книги вместе с теплым письмом. Это несохранившееся письмо открывает переписку, продолжавшуюся (с перерывом во время Второй Мировой войны) почти 28 лет.

Одна из важных тем возникшей переписки связана с судьбой и творческим наследием еще одного члена семьи Семеновых — старшей сестры Валерия Петровича. Ольга Петровна Семенова (1863–1906) — единственная дочь Петра Петровича, талантливая художница, этнограф-собираатель⁹. Ее работы сохранились в собрании Русского музея и Третьяковской галереи. Детские годы Ольги Петровны протекали в чисто домашней обстановке типичной большой культурной русской семьи. От отца она

⁷ В «Автобиографической заметке» (1915) И.А. Бунин писал: «О роде Буниных я кое-что знаю. Род этот дал замечательную женщину начала прошлого века, поэтессу А.П. Бунину, и поэта В.А. Жуковского (незаконного сына А.И. Бунина); в некотором родстве мы с братьями Киреевскими, Гротами, Юшковыми, Воейковыми, Булгаковыми, Соймоновыми <...>» (*Бунин И.А. Автобиографическая заметка (Письмо к С.А. Венгеру) // Бунин И.А. Собр. соч.: в 4 т. / сост. Н.М. Любимов. М.: Правда, 1988. Т. 1. С. 3–16*). Бунин мог читать письма А.П. Буниной, опубликованные в «Русском Архиве» К.Я. Гротом; его мать Н.П. Грот (рожд. Семенова) — родная сестра Петра Петровича.

⁸ Цит. по: [10, с. 217–222].

⁹ Об Ольге Петровне Семеновой см.: [6, с. 316–331; 5, с. 25–35].

унаследовала любовь к жизни в деревне, к природе, имея, так же как и другие члены семьи, крепкие «корни в земле»¹⁰. В течение десяти лет Ольга Петровна собирала материалы, легшие в основу книги «Жизнь Ивана. Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний», которая стала главным делом ее недолгой жизни. Эта неординарная книга, дающая яркую и глубокую картину жизни русской деревни накануне Первой мировой войны и революции, заслуживает особенного внимания. Жизнь среднестатистического Ивана, от его рождения до женитьбы, обрисованная без прикрас, производит очень сильное впечатление. Материалы Ольги Петровны помогают понять корни исторических потрясений и бед, обрушившихся вскоре на русскую деревню. Преждевременная смерть от тяжелой сердечной болезни оборвала эту работу. Книга была подготовлена к печати ее ближайшей подругой В.П. Шнейдер, известным специалистом по народному искусству, и напечатана посмертно в 1914 г. в Записках Императорского Русского географического общества. Читателю, знакомому с «Жизнью Ивана», бросается в глаза сходство нарисованной в ней картины, в которой соединились трезвый подход исследователя-этнографа, его любовь к своим героям и предчувствие надвигающейся катастрофы, со взглядом пронизательного и бескомпромиссного художника, каким был Бунин в своем изображении русской деревни. Сам Бунин очень высоко оценил эту книгу, присланную ему Валерием Петровичем. Его замысел написать об Ольге Петровне, к которому он несколько раз возвращался в своих письмах, остался нереализованным. За год до смерти Бунин отослал Валерию Петровичу уцелевшую во время войны в его парижской квартире книгу, написав в одном из последних писем: «Все надеюсь написать о Вашей прекрасной, чудесной сестре. Я вообще медленно погибаю» (см. письмо <32> ниже).

Весной 1932 г. Русское Академическое объединение в Финляндии попросило Валерия Петровича сделать доклад о творчестве Бунина. В ответ на просьбу помочь в подготовке этого доклада Бунин прислал ему пачку рецензий, отобранных Верой Николаевной. Доклад был прочитан в июне 1933 г. и затем повторен и частично опубликован в декабре 1933 г., уже после награждения Бунина Но-

¹⁰ Выражение «корни в земле» восходит к самому П.П. Семенову-Тян-Шанскому. См. по этому поводу воспоминания старшего брата Валерия Петровича Вениамина [13, т. 1, с. 114].

белевской премией¹¹. В июне 1933 г. Валерий Петрович отослал его Бунину, отозвавшемуся теплым письмом: «Вчера получил и прочел Вашу речь обо мне. Очень благодарю Вас. Прекрасно написано. Об одном жалею. Много моих юношеских вещей, коих я очень стыжусь теперь» (см. письмо <16> ниже).

Возобновившаяся после окончания войны в последние годы жизни Бунина переписка Валерия Петровича с Буниным достигает новой степени откровенности и драматизма. Последнее письмо Валерия Петровича Бунину написанное за месяц до его смерти осталось неотправленным. После смерти Бунина Валерий Петрович обменялся несколькими письмами с его вдовой Верой Николаевной Буниной. Вместе с Верой Николаевной они систематизировали копии писем Валерия Петровича Бунину, сохранившиеся в его архиве, и копии писем Бунина, которые были пересланы Валерию Петровичу Верой Николаевной; все эти письма и их копии были позже переданы в составе ее архива в Бунинскую коллекцию в Русском архиве Лидса (Leeds Russian Archive). Вместе с тем все эти документы сохранились также и в личном архиве Валерия Петровича. Основная часть его архива была передана в 1960-е гг. в Бахметевский архив (Columbia University Rare Book and Manuscript Library) в Нью-Йорке, но копии этих документов сохранялись и в домашнем архиве.

Все письма Бунина печатаются по фотокопиям автографов (письмо 32, продиктованное Буниным, по фотокопии авторизованной машинописи с рукописными вставками Бунина). Письма В.П. Семенова-Тян-Шанского печатаются по фотокопиям машинописных копий, присланных В.Н. Буниной. Письма В.Н. Буниной печатаются по фотокопиям авторизованной машинописи (с правкой рукой В.Н. Буниной); письмо 41 — по фотокопии автографа. Все перечисленные документы находятся в семейном архиве внука Валерия Петровича Майкла Гейна (Michael Gane, 1928–2025), предоставившего их автору публикации, и публикуются с разрешения правообладателя архива Айалы Каспи (Ayalah Caspi).

Все архивные документы приводятся в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации.

¹¹ Семенов-Тян-Шанский В.П. И.А. Бунин и его творчество // Журнал Содружества. 1933. № 12. С. 2–5; 1934. № 1. С. 3–10.

ПРИЛОЖЕНИЕ

<1>

*В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину**11 сентября 1925 г. Выборг*

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Очень тронут был Вашим письмом от 1 сентября и присылкой двух книг, «Господин из Сан-Франциско» и «Роза Иерехона». Совершенно откровенно скажу, что после бегства из России я не получил ни от кого из своих друзей (а их у меня достаточно и на родине, и за границей) такого теплого, простого и душевного письма, как Ваше.

Вы спрашиваете, чем я связан с Выборгом. Сейчас ничем, кроме как вопросом материальным. Конечно, я с радостью переехал бы в Париж, в котором лет 25 назад приходилось работать, который любит и моя жена¹, бывавшая в нем неоднократно. Но пока это желание наше невыполнимо по тем же материальным соображениям. Если Вам не удастся найти мемуары моего отца², напишите мне. Я постараюсь Вам достать их у моей дочери (в Лондоне) — конечно, только для прочтения Вами лично, так как дочь очень дорожит этим единственным экземпляром, уцелевшим в нашей семье. Хотелось бы переиздать эти мемуары, но пока — все это мечты. Да не хватает и 2-го тома, который в рукописи, а частью уже отпечатанный, остался на родине, но, по моим сведениям, уцелел.

Как ни плохо слежу я за литературой, все же читал некоторые из Ваших вещей, напечатанных в присланных Вами книгах, в частности, «Господина из Сан-Франциско». Продолжаю наслаждаться чтением Ваших произведений (полное собрание сочинений в издании Маркса). Хотя я слишком скромного о себе мнения как ценителя литературы, но все же скажу, что многие Ваши произведения, говорю о прозе, я ставлю в отношении глубины психологического анализа совершенно наравне с произведениями Достоевского, а в художественном отношении, в том числе и в отношении языка, — даже много выше. У каждого, конечно, есть свои индивидуальные особенности, отражающиеся и в произведениях, и разница между Вашими произведениями та, что Вы берете, по большей части, типы и картины из жизни деревни, а Достоевский из города, притом у Вас есть простота рассказа и сюжета, а у Достоевского их сложность, иногда даже запутанность. Ваши наблюдения и Ваши выводы для русского человека [довольно пессимистичны] далеко не идеалистичны, но в них много, увы, даже очень много правды. Не знаю,

читали ли Вы как-нибудь очень начерно написанную моею покойною сестрою Ольгою картинку — характеристику русского мужика средней полосы России под заглавием «Жизнь Ивана»? Смерть, а отчасти авто-скептика помешали сестре закончить это произведение, но после ее смерти оно все же в сыром виде напечатано было, если не ошибаюсь, в Записках Географического Общества. К сожалению, переживания последних десятилетий так затемняют память, что я не могу с точностью установить, в каком именно году этот набросок появился в печати, думаю, что в 1907–1908 годах³. Мне кажется, что Ваши взгляды на русского мужика средней полосы России почти совпадают со взглядами сестры.

Сегодня я послал Вам заказною бандеролью, по Вашему летнему адресу, мое произведение «Разрушение русской грамоты». Оно написано мной в сотрудничестве с В.Н. Крестьяновым⁴, человеком очень способным, интересным собеседником и моим приятелем, с которым, однако, мы часто не сходимся на взглядах, например, политических, хотя мы оба монархисты. Послал статью я Вам, а не Петру Бернгардовичу⁵, так как я нахожу, что последнему посылать единственный экземпляр произведения рискованно — он человек далеко не аккуратный. Если по прочтении Вы найдете, что лучше разбить статью на отдельные статейки (для газеты), я могу это сделать по тем черновым наброскам, которые у меня остались, так как все равно придется текст несколько перерабатывать. Если бы Вы нашли, что кое-что надо у меня изменить, добавить или выпустить, я буду чрезвычайно благодарен Вам за всякие указания.

Очень надеюсь, что Вы не оставите меня своими письмами, а также сообщите мне Ваш парижский адрес и время Вашего переезда в этот город. Еще раз сердечно благодарю Вас за книги и теплое письмо, принесшее мне отрадное чувство близости человека, родного по духу и крови.

Сердечно жму Вашу руку.

Искренне Ваш, Валерий Семенов-Тянь-Шанский

P.S. Отчего здесь нигде нельзя достать «Возрождение»?

В.С.

¹ Первая жена В.П. Семенова-Тянь-Шанского — К.И. Кольцова (1871–1961).

² Воспоминания П.П. Семенова-Тянь-Шанского были подготовлены к печати и изданы Валерием Петровичем летом 1917 г.: Мемуары П.П. Семенова-Тянь-Шанского: [в 4 т.]. Пг.: Изд. семьи, 1917.

³ Книга «Жизнь Ивана» была подготовлена к печати В.П. Шнейдер и опубликована посмертно в 1914 г.: *Семенова-Тянь-Шанская О.П. Жизнь «Ивана»*. Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // Записки Императорского Рос-

сийского Географического Общества по отделению этнографии. Т. 39. СПб., 1914. 136 с. Обзор этой работы был сделан В.П. Шнейдер вскоре после смерти Ольги Петровны, в декабре 1906 г. в заседании Отделения этнографии Географического Общества (*Шнейдер В.П.* Памяти О.П. Семеновой // Известия Императорского Российского Географического Общества. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. Т. 13. С. 41–61).

⁴ Владимир Николаевич Крестьянов (1871–1946) — юрист по образованию, писатель. Перед революцией занимал должности товарища прокурора и прокурора окружного суда. После революционных событий 1917 г. выехал из России в Финляндию. Многие годы бедствовал и изредка читал лекции в различных обществах. В 1928 г. устроился рабочим на фарфоровую фабрику в Гельсингфорсе, но из-за травмы потерял трудоспособность. Жил на пенсию, выплачиваемую Страховым обществом, и на пособие от Городского управления. Со студенческих лет занимался литературой: писал стихи (псевд. Вл. Топтыгин), рассказы, новеллы, пьесы, позднее — воспоминания. Умер в Финляндии.

⁵ Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — русский либерал, философ, политический и общественный деятель, один из авторов сборника «Вехи» (1909). Эмигрировал в 1921 г., издавал журнал «Русская мысль» (1921–1926), затем газету «Возрождение» (1925–1927).

<2>

*И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
22 февраля 1926-го г. 3 rue de Lubeck, Paris XVI*

Дорогой Валерий Петрович, пожалуйста, извините за молчание — очень долго был болен. Теперь лучше и спешу написать Вам два слова. Все Ваши письма получил, принял к сведению и благодарю Вас за них. Завтра, послезавтра напишу Вам подробнее. Сердечно Ваш Ив. Бунин.

<3>

*В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
22 марта 1926 года*

Дорогой Иван Алексеевич!

Ваше письмо 22 февраля получил. Чем Вы хворали? Мне писал мой племянник¹ из Парижа, что нынешней зимой там многие были нездоровы — страдали от холода. У нас тоже суровая зима была, но вот здесь все приспособлено к холоду — и жилье, и платье. А вот дочь моя мне писала из Лондона, что у них дом так устроен, что как только температура на улице ниже 0°, то бывает, что и в комнатах почти такая же, и водопроводные трубы лопаются. Сегодня послал Вам заказной бандеролью мою рукопись «Разрушение русской грамоты». Я ее значительно изменил, так как в Выборге смог изучить кое-какие материалы, которых у меня не было ранее под рукой в деревне. Со-знаю, что еще мало материалов у меня под рукой, но и то, что у меня было, все равно достаточно, чтобы написать очерк, подобный моему.

Не удастся ли Вам пристроить мою рукопись куда-либо? На Струве я вовсе не возлагаю никаких надежд. Теперь есть в Бельгии журнал «Благонамеренный». Быть может, толкнуться туда?

Обращаюсь к Вам еще с большою просьбою.

В январе 1927-го года исполняется 100 лет со дня рождения покойного моего отца. Так как отец, несомненно, был человеком недюжинным и деятельность его была необыкновенно разнообразна, то не думаете ли Вы, что следовало бы как-нибудь отметить день столетия его рождения. Быть может, можно было бы написать по этому случаю какую-либо статью в журнале или газете. Я был бы очень Вам признателен, если бы Вы взялись за это. Ваш прекрасный образный язык, Ваш стиль — все это служит ручательством тому, что Ваша статья более чем чья-либо привлечет к себе внимание читателей. Если Вы хотите ознакомиться с деятельностью отца, то я попросил бы мою дочь прислать Вам мемуары моего отца — к сожалению, только для Вашего личного прочтения с возвращением книг дочери, так как у нас эти мемуары *уника*, уцелевшая от большевистского разгрома. В этих мемуарах отсутствует второй том, с которым был такой казус. Когда я его печатал в Петрограде, совершилось воцарение большевиков, а с ним и введение той уродливой грамоты, с которой я борюсь. По типографиям было приказано уничтожить все изгнанные из алфавита знаки. Приходилось или бросить печатание книги, или с 12 листа (всех должно было быть во втором томе 16) печатать книгу по новому правописанию. Я все же нашел типографию, которая бралась допечатать книгу по старой орфографии, так как тайно не уничтожила знаков. Но заведующий типографией, боясь попасть в Чеку, просил меня достать разрешение на допечатание книги по старой орфографии. Я было сунулся к держащим властям, но получил буквально такой ответ:

— Печатайте с 12 листа по новому правописанию, пусть будет видно, что здесь именно мы победили. Да если бы мы даже и захотели дать Вам просимое разрешение, мы бы не могли этого сделать по техническим условиям: знаки везде уничтожены.

Когда я было заикнулся, что можно эти знаки все же найти, то получил такой ответ:

— Назовите типографию, которая сохранила старые знаки, и мы заведующего типографию упечем куда следует.

Мне пришлось благоразумно ретироваться, не назвав, конечно, типографии, где знаки были сохранены. Итак, второй том остался недопечатанным, но однако, все рукописи и напечатанные листы я все же спас. До сих пор, впрочем, я не могу получить ни одного

экземпляра этих спасенных листов рукописи. Между тем, хотя в этом томе масса научного материала (гл<авным> образом, ботанического, частью геологического), интересного для специалистов, там имеются очень интересные страницы, описывающие встречу отца с Достоевским. <...>²

¹ Племянник В.П. Семенова-Тян-Шанского — Александр Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский (1890–1979), впоследствии епископ Зилонский (1971), окончил Петербургский университет (1914), во время Первой мировой войны в военном училище при Пажеском корпусе, потом в лейб-гвардии Егерском полку, с весны 1917 г. на фронте, поручик, в 1919–1920 гг. мобилизован в Красную армию, с 1921 г. в эмиграции в Финляндии, затем во Франции, рукоположен священником в 1943 г., с 1957 г. настоятель Знаменской церкви в Париже. После бегства из России в конце 1921 г. некоторое время жил у Валерия Петровича.

² Конец листа утерян.

<4>

*И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
9 апреля 1926 года, 33, rue de Lubeck, Paris, 16*

Дорогой Валерий Петрович, я снова был долго и тяжело болен. Послушался советов полечить геморрой (я много теряю крови) электрическими прижиганиями — и слег: ужасные боли, воспалилась слепая кишка, был большой жар и потери крови уже чрезмерные. Теперь только что начинаю приходить в себя. Рукопись получил, но все те же вопросы: где печатать? «Благонамеренный» жалкий журнальчик, и задача у него главная дать приют молодым и наиболее глупым и извращенным стихотворцам. Снова поговорю со Струве, когда кончится съезд¹. Что до статьи памяти Вашего батюшки, то конечно с удовольствием напишу ее². Скоро мы надеемся уехать опять в Грасс, villa Belvédère, Grasse, Alpes Maritimes, France, туда, и будьте добры попросить Вашу дочь прислать мне первый том мемуаров заказным пакетом. Возвращу в целости и сохранности. По-немецки я не читаю. Посему, кроме мемуаров, могу воспользоваться только словарем Брокгауза. Да много материалов мне и не надо, обстоятельную, большую работу я все равно не смогу исполнить — не умею и не буду иметь времени.

Чрезвычайно жалко, что Вы не попали в Париж, и что я лишен возможности видеть Вас.

Сердечно жму Вашу руку, Душевно Ваш Иван Бунин.

P.S. Мемуары надо выслать в Grasse не ранее середины мая, может быть, нам придется пожить до Грасса на биваках, в Ницце или в Антибе.

<Рукописное примечание В.П. Семенова-Тян-Шанского на полях машинописной копии письма>

По поводу этого письма Бунина (от 9 апреля 1926 года), должен заметить, что черновиков двух-трех писем моих к Бунину у меня не сохранилось. В них я сообщал ему, что возможен мой приезд в Париж на эмигрантский съезд, организуемый по инициативе профессора Коренчевского³ (я с ним был в переписке по этому поводу), в качестве представителя от русских эмигрантских организаций в Финляндии. В конце концов, на этот съезд был послан один представитель, полковник А.Н. Фену (ныне покойный)⁴, а ранее предполагалось послать трех. О какой рукописи идет речь в письме, установить трудно. Очевидно, это не «Разрушение русской грамоты». По поводу моего отца моя просьба к Бунину заключалась в предложении ему написать заметку по поводу исполнения в 1927 году столетия со дня его рождения (2/15 января 1827 года). Была ли такая заметка написана, не помню. Иван Алексеевич Бунин прислал мне вырезку из газеты «Возрождение» (15 янв. 1927 года) со статьей К. Зайцева⁵ «П.П. Семенов-Тян-Шанский»; вероятно, К. Зайцев заменил И.А. Бунина в написании этой статьи. В статье К. Зайцева есть 3–4 ошибки; эту статью я пришло в архив впоследствии, при дальнейшей разборке архивных материалов. По поводу моего отца и его мемуаров Бунин говорит в своих воспоминаниях, изданных в Париже в 1950 году (Книгоиздательство «Возрождение») в главе «Семеновы и Бунины»⁶.

¹ Речь идет о Российском Зарубежном съезде, состоявшемся в апреле 1926 г. в Париже. И.А. Бунин выступил на съезде с кратким словом. См.: [12, с. 476].

² Через несколько лет Бунин написал очерк «Записи» (Последние новости. 1932. 6 марта. № 4001. С. 2–3), посвященный памяти П.П. Семенова-Тян-Шанского и А.П. Буниной.

³ Владимир Георгиевич Коренчевский (1879–1959) — перед революцией профессор Военно-медицинской академии, с 1920 г. в эмиграции в Англии, один из основателей современной геронтологии, один из инициаторов Съездов российских академических организаций за границей (первый из них состоялся в Праге в 1921 г.)

⁴ Александр Николаевич Фену (1873–1954). Полковник лейб-гвардии Егерского полка, воспитатель и директор Пажеского корпуса. В эмиграции в Финляндии, глава русской колонии в Гельсингфорсе (1921).

⁵ Кирилл Иосифович Зайцев (1887–1975) окончил экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института. Оставшись для подготовки к научному званию по кафедре государственного права, занялся изучением крестьянской реформы 1861 г. (с этим связан, вероятно, его интерес к деятельности П.П. Семенова-Тян-Шанского). Участник Белого движения, эмигрировал в 1920 г., в середине 1920-х гг. сотрудничал с П.Б. Струве в издании газеты «Возрождение», а также газет «Россия» и «Россия и славянство». В 1934 г. издал в Берлине книгу об И.А. Бунине, высоко оцененную самим писателем (*Зайцев К. И.А. Бунин. Жизнь*

и творчество. Берлин: Парабола, 1934. 268 с.). Позже профессор Харбинского университета, в 1944 г. принял священство и затем постриг с именем Константина. С конца 1940-х гг. в США, где получил известность как деятель Русской Православной Церкви за границей.

⁶ Бунин И.А. Семеновы и Бунины // Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 159–170.

<5>

В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину

18 апреля 1926 г. Выборг

Дорогой Иван Алексеевич,

Ваше письмо от 9 сего месяца получил и очень сожалею о Вашем нездоровье. Когда-то я тоже страдал от геморроя, но совершенно излечился двукратным в течение четырех лет посещением Bad-Kissingen'a (в Баварии). Там главным образом меня починили ванны с волною (mit Welle), а также вода Rakozу (питье). С тех пор я забыл, что такое геморрой. В свое время совершенно так же избавился от геморроя мой покойный отец. Если Вас интересует подробнее этот вопрос о лечении, то могу Вам сообщить, даже в нескольких юмористических тонах, все, что было со мной в Киссингене, и как там нужно лечиться. До Киссингена я пробовал применять другое лечение, но оно было или бесполезно, или приносило вред (например, «пессорий»).

Относительно мемуаров отца написал моей дочери, и она, несомненно, поступит согласно Вашим указаниям о времени посылки Вам книг. Приношу Вам мою искреннюю благодарность за Вашу готовность написать статью об отце. Я знаю Ваши способности в кратких словах писать ярко и выразительно, и, конечно, ничего длинного писать не надо. Важно уже одно то, что статья будет написана Вами. Если мне случится достать немецкую биографию отца, то пришлю ее Вам в русском переводе. Для меня это не так трудно, хотя знаю немецкий очень неважно.

Не знаете ли Вы, что из себя представляет Саша Черный? Кто он и какой морали человек? Дочь мне пишет, что читала некоторые его рассказы, например, детские, и они ей понравились, так что один рассказ, «Патентованная краска», она перевела на английский и просила г. Черного разрешить ей напечатать перевод в одном из английских журналов. Я написал дочери, чтобы она вообще была осторожнее с незнакомыми людьми, и что я постараюсь узнать Ваш отзыв о Черном.

Кстати, названный выше рассказ, «Патентованная краска», дочь прочитала в журнале «Иллюстрированная Россия»¹, который она

получает еженедельно. Что это за журнал? Я его никогда не видал. Быть может, можно толкнуться туда с моей рукописью «Разрушение русской грамоты»?

Я очень сожалею, что не удалось повидать Вас в Париже, но, с другой стороны, быть может, и лучше, что я не попал на съезд!

Буду ждать Вашего ответа на мои вопросы.

Сердечно жму Вашу руку

Искренне Ваш

Валерий Семенов-Тянь-Шанский.

P.S. В одном из писем моего брата 22 года (я не могу теперь с ним переписываться по независимым от меня причинам)² я нашел указание брата, что будто все издание мемуаров отца, 3000 экземпляров, разошлось в России без остатка. Стало быть, есть интерес к хорошей книге.

¹ Черный А. Патентованная краска // Иллюстрированная Россия. 1926. № 9. 27 февраля. С. 1–2, 4.

² Переписка В.П. Семенова-Тянь-Шанского с оставшимися в СССР членами семьи прекратилась после ареста и последующей ссылки их общего друга Я.Н. Ростовцева, обвиненного в нелегальных связях с Финляндией.

<6>

*И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тянь-Шанскому
23 апреля 1926 года, Hôpital franco-russe Villejuif*

Дорогой Валерий Петрович,

Помимо душевных, помимо физических страданий от операции, всю зиму я хворал и был больной душевно: чувствовал, видел, что неизбежна операция настоящая. Это меня страшно угнетало. У меня к операциям патологический страх. И вот я наконец решился и пишу Вам, лежа на больничной койке, израненный Алексинским (знаменитый хирург)¹. После операции страдал невыносимо. Теперь, дай Бог, наконец-то прихожу в себя. Большое спасибо за желание помочь мне советом, рассказом, как Вы лечились, но, как видите, дело уже сделано. Надеюсь, что выпишусь через несколько дней. После этого — на юг. Villa Belvédère, Grasse, Alpes Maritimes, France

Черный человек во всех смыслах приличный. «Иллюстрированная Россия» еженедельный журнальчик, тетрадка.

Вот уж и устал.

Сердечный привет.

Ваш Иван Бунин

¹ Иван Павлович Алексинский (1871–1945), профессор Московского университета, депутат I Государственной Думы. В Добровольческой армии и Воору-

женных силах Юга России; в начале 1919 г. хирург госпиталя в Екатеринодаре. В эмиграции с 1921 г., с 1923 г. в Париже.

<7>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому

15/28 мая 1926 года

Дорогой Валерий Петрович, мы уже на юге — Villa Belvédère, Grasse, Alpes Maritimes, France. Я понемногу поправляюсь. Жду первый том воспоминаний Вашего батюшки.

Приветствую Вас,

Ваш сердечно Ив. Бунин.

<8>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину

11 июня 1926 г. Выборг

Дорогой Иван Алексеевич,

Вашу открытку 15/28 мая я получил. Надеюсь, что Ваше здоровье восстанавливается на благодатном юге. Дочь моя писала мне уже довольно давно, что выслала Вам первый том мемуаров моего отца. Думаю, что Вы уже получили эту книгу и, быть может, уже прочли ее. Приходится очень пожалеть, что благодаря большевикам мне не удалось в свое время выпустить том II мемуаров, описывающий путешествия отца в Среднюю Азию. Там имеются очень интересные страницы, описывающие встречу отца с Достоевским, если память не изменяет, в Барнауле, и их взаимные беседы. Вообще, этот том очень интересный, хотя в нем и масса научного материала (главным образом ботанического, частью геологического), интересного для специалистов. Том третий мемуаров также интересный, в нем есть много подробностей и специальных, относящихся до подготовки реформы 1861 года, но есть и страницы, характеризующие состояние нашего общества в начале 50-х годов прошлого века. Наконец, ярко обрисована личность Александра II и его сподвижников. Том четвертый для неспециалистов менее интересен, так как описывает все подробности обсуждения крестьянской реформы. Буду очень рад, если Вы сообщите мне хоть в двух словах Ваше впечатление от мемуаров.

Хочу Вас спросить еще о следующем. Во что может обойтись самая скромная жизнь на юге Франции? Скажем, такая, какую ведете Вы. Дело в том, что моя семья снова увеличилась одним членом: у меня на попечении находится моя свояченица, сестра жены Н.И. Хрушова, вдова убитого большевиками моего

сослуживца и друга Федора Ивановича Хрущова, бывшего товарища обер-прокурора Сената¹. Свояченица эта страдает женскою болезнью и, по моему мнению, никогда не поправится здесь, на севере, в сером климате, без воздуха и солнца. И вот я мечтал бы втроем, то есть с женой и свояченицей, переселиться куда-нибудь поужнее. Но все зависит от того, сколько стоит там жизнь. Наведу справки и во Франции, и в Югославии, где у меня есть также друзья. Средства мои денежные ограничены. Я могу сводить концы с концами только здесь, в Финляндии, имея бюджет на троих не свыше четырех тысяч финских марок в месяц, то есть около трех с половиной тысяч франков по денежному курсу. Был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне просимые сведения. С 15 июня я еду в деревню, и мой адрес по первое сентября сего года — Kuolemajärvi, villa Ermoloff, Viborgs län, Finlande. Сердечно жму Вашу руку. Комнату в городе с прежним адресом оставляю на лето за собою.

Искренне Ваш,

Валерий Семенов-Тянь-Шанский.

¹ Федор Иванович Хрущов (1874–1918) — обер-секретарь I департамента Сената, коллежский советник, женат на Н.И. Кольцовой, младшей сестре К.И. Семенов-Тянь-Шанской, расстрелян ЧК в сентябре 1918 г.

<9>

В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину

30 сентября 1926 года, Выборг

Дорогой Иван Алексеевич,

Давно, очень давно не имею никаких известий от Вас. Знаю от дочери, что Вы получили от нее 1-й том мемуаров моего отца, но не знаю, посылала ли она Вам дальнейшие томы, 3-й и 4-й. Какое вообще на Вас произвело впечатление чтение тома первого? Все это мне очень-очень интересно. Как теперь Ваше здоровье? Я как-то писал Вам летом, запрашивая о стоимости жизни на юге Франции. Получили ли Вы это мое письмо? Увы, теперь вопрос о переезде нашем в более теплую страну пока отпадает. Моя belle-sœur настолько больна, что не может быть и речи о возможности перевезти ее куда-либо. Приходится терпеть, и не унывать, и надеяться на то, что когда-нибудь наступят более светлые и радостные дни.

Летом, отдыхая на лоне природы в деревне, читал Вашу «Митину любовь». Несмотря на критику этого Вашего рассказа некоторою частью соотечественников, я, имея независимое собственное мнение,

вполне оценил достоинство повести Вашей, так как многое из описываемого Вами не только лично наблюдал, но и лично переживал. Знал и Катю, знал и Митю, частью переживал и его чувства, знал и видел и старосту, и Аленку. Все это так правдиво и так ярко! Не говорю уже о картинах природы. Это у Вас всегда бесподобно.

Помнится мне, что в одном из Ваших стихотворений, впрочем, не из книги «Митина любовь», встречается слово *рояль* в женском роде. Не могу согласиться с тем, чтобы это было правильно. Правда, в русском языке, пожалуй, большинство слов на *ль* женского рода (*пыль, гниль, даль*, и так далее. Но есть целый ряд слов как русского, так и иностранного корня мужского рода, например, *приятель, шмель, кобель, нуль, руль, вентиль, рояль, мистраль, миндаль, пудель, король, пароль, патруль, шпиль, штиль, картофель, киль* и так далее, и другие. Все они имеют отдельный падеж множественного числа на *ей*, и, тем не менее, они мужского рода. Кстати, не слышно ли чего-либо о возможности напечатать мою статью «Разрушение русской грамоты». Пробовал, но безуспешно, прочесть здесь лекцию на ту же тему, но встретил в одних безразличие и отсутствие интереса, а в других явную враждебность своим мыслям и стремление не дать мне возможности говорить об этом. В последнем случае — красивый прием для борьбы со своими противниками!

Вот Вам каковы русские интеллигентные люди!

Сердечно жму Вашу руку и буду ждать от Вас известий. Искренне Ваш,

В. Семенов-Тянь-Шанский.

<10>

В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину

1 февраля 1927 года, Выборг

Дорогой Иван Алексеевич,

Сегодня получил Ваше заказное письмо, вырезку из «Возрождения» с несколькими Вашими словами. Спасибо за присылку, я получаю «Возрождение», я уже успел написать по поводу статьи об отце Струве и Зайцева¹ Петру Бернгардовичу. Копию моего ему письма прилагаю. Я писал Вам два раза и упоминал в моих письмах, что с удовольствием читал Вашу «Митину любовь». Не знаю, дошли ли до Вас эти мои письма, но от Вас не имею ответа. Как Вы увидите из моего письма к Струве, я интересуюсь вопросом о возможности переиздать воспоминания моего отца. Не возьмете ли Вы на себя труд напомнить об этом моем вопросе Струве? Он человек занятой

и неаккуратный, я думаю, что не мешает ему об этом напомнить. Точно так же, как напомнить о напечатании в по-видимому воскресающей «Русской мысли» моей статьи «Разрушение русской грамоты». Кстати, я должен сказать, что я при своем письме послал Струве еще один экземпляр моей рукописи, причем этот последний экземпляр есть именно «исправленное и дополненное издание» этой моей статьи. Очень важно, по-видимому, чтобы, если статья будет напечатана, она была бы напечатана именно с этой исправленной и дополненной рукописи.

Столетие дня рождения моего отца было отмечено в разных странах. Между прочим, и англичане вспомнили этот день, и прислали мне то, что появилось в их печати по поводу этого дня. Было чествование памяти и в Праге, где Могилянский² и профессор Кизеветтер³ говорили речи, посвященные отцу. Все это очень отраднo. В белградском «Новом Времени» также была статья, написанная одним моим талантливым другом, графом Ламздорф-Галаган⁴.

Как теперь Ваше здоровье? Где Вы будете проводить лето? Какое Вы вынесли впечатление от прочитанного первого тома «Воспоминаний» отца? Черкните, когда будет время. Очень буду рад получить от Вас весточку.

Сердечно жму Вашу руку. Поклон Вашей супруге, хотя мы и не знакомы.

Искренне Ваш,

Валерий Семенов-Тян-Шанский

P.S. Очень хотел бы подписаться на «Русскую мысль», если она действительно воскреснет. Объявлений об этом, однако, в «Возрождении» что-то не вижу. В.С.

¹ К столетию П.П. Семенова-Тян-Шанского газета «Возрождение» поместила редакционную статью П.Б. Струве (в рубрике «Дневник политика») и биографическую статью «Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский. К столетию со дня рождения» К. Зайцева (Возрождение. 1927. № 592, 15 января 1927 г. С. 1, 2–3.)

² Николай Михайлович Могилянский (1871–1933) — профессор этнографии и антропологии. С 1898 г. работал в Музее антропологии Академии наук, в конце 1901 г. перешел в Русский музей (тогда — Русский музей Императора Александра III), был хранителем Этнографического отдела. С 1920 г. в эмиграции.

³ Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) — историк, публицист, политический деятель, профессор Московского университета, академик, выслан из РСФСР на «философском пароходе» в августе 1922 г., жил в Берлине и затем, до конца жизни, в Праге. Исключен из АН СССР в 1928 г., восстановлен посмертно в 1990 г.

⁴ Николай Константинович Ламздорф-Галаган (1881–1951) — граф, сослуживец В.П. Семенова-Тян-Шанского по II департаменту Сената. В эмиграции в Югославии, затем в США.

<11>

*В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину**3 марта 1927 г. Выборг*

Дорогой Иван Алексеевич, не будете ли Вы любезны сообщить мне, какая участь постигла у Струве мою рукопись «Разрушение русской грамоты»? Читал в «Возрождении», что воскресла «Русская мысль». Я послал П.Б. Струве еще один экземпляр моей рукописи, — исправленный и дополненный. Могу ли рассчитывать, что моя статья будет напечатана в названном журнале? И когда именно?

Вернули ли Вы моей дочери Mrs Gane ее книгу (I том) мемуаров моего отца?

Как теперь Ваше здоровье, и когда Вы снова собираетесь на юг Франции?

Мы здесь прозябаем в туманах и снегах. Хотя у меня сейчас и есть дело, но все же скучно без общения с русскими людьми. Не могу называть подобным общением встречи с соотечественниками здесь, так как все здесь только прозябают и никаких почти общих интересов ни у кого нет. Газеты своей не имеем, хорошей библиотеки также нет. Единственное, во что уходишь, — это забота о материальных благах.

Слышал, что Вы выпустили новый сборник своих рассказов¹, но покуда не удалось его достать.

Буду ждать известий от Вас.

Сердечно жму Вашу руку.

Ваш Валерий Семенов-Тянь-Шанский.

¹ Имеется в виду книга: Бунин И.А. Солнечный удар. Париж: Родник, 1927. 164 с. Или: Бунин И.А. Последнее свидание. Париж: Изд. т-ва «Н.П. Карбасников», 1927. 176 с.

<12>

*В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину**31 марта 1932 года*

Дорогой Иван Алексеевич, очень давно не писал я Вам. Неделю-две назад я получил из Парижа номер газеты «Последние новости» от 6 марта сего года, номер 4001, где помещены Ваши записи¹, заключающие в себе мое сообщение Вам о воспоминаниях моего отца и касающиеся поэтессы Анны Петровны Буниной. Очень приятно было прочитать эту Вашу заметку, ее многие здесь прочли и обратили на нее внимание, так что кое-кто уже поговорил о желательности прочесть воспоминания отца и посвятить памяти отца какое-либо общественное собрание. Прибавлю, что очень надеюсь

и на то, что один из русских журналов — «Современные записки» благодаря Вашим записям поместит на своих страницах как раз незадолго перед тем посланную мною статью «Освобождение крестьян в царствование Александра II» — исторический этюд, написанный мною по воспоминаниям отца (главным образом). Ваши же записи подняли здесь и другой вопрос. Немного более года тому назад здесь образовалось «Русское Академическое Объединение в Финляндии». Академическое не потому, что в него входят академики (русские), которых в Финляндии нет ни одного, а потому, что по здешней терминологии слово «академия» означает вообще высшее образование, высшую школу. В это объединение попал и я — членом Совета, и последний предложил мне сделать доклад о Вас и Вашем творчестве. Хотя задача и трудная, но я согласился попытаться составить такой доклад, но лишь в том случае, если Вы немного мне поможете некоторыми указаниями. Доклады в Объединении происходят так, что сперва читается доклад (время 40 минут до 1 часу), а потом идут прения по нему, причем, составляя доклад, я должен дать тезисы или положения. Все это и заставляет меня обратиться к Вам с просьбой указать мне прежде всего на Вашу биографию или автобиографию. Помню, что несколько лет тому назад читал такую, но где, не помню. Библиотека (русская) здесь — одна из лучших библиотек в мире при Университете, где имеются все русские книги, журналы и наши газеты до 1917 года. После этого года далеко не все. Второе указание от Вас — на критику Вашего творчества. По этому предмету я читал о Вас очень мало. Читал как-то, кажется, в «Возрождении» статью Владислава Ходасевича, но, по совести говоря, недолюбливаю этого гробокопателя, да и далеко не всегда схожусь с ним вкусами вообще, а в оценке Вашего творчества — в частности. Мне было бы очень необходимо иметь от Вас и личные Ваши указания на то, какое из Ваших произведений наиболее ярко выражает и Ваши личные душевные переживания, и Ваши личные чувства, вкусы, взгляды, религиозные, общественные и другие. Конечно, я включаю в это не только прозу, но и поэзию. Принялся перечитывать Ваши произведения и сразу же наткнулся на целый ряд вопросов, в которых стараюсь разобраться самостоятельно, но пока еще далеко не всегда нахожу у себя ответы. Оценка художественной стороны Вашего творчества мне гораздо более легко дается, тем более что я вырос почти там же, где Вы, в средней полосе России, переживал и перечувствовал, в особенности в отношении к красоте природы, то же, что и Вы, а Ваше преимущество — в том, что Вы гораздо более моего путешествовали по всему миру. Психологический же разбор

Ваших произведений и выводимых Вами типов — для меня задача гораздо более сложная и трудная, и вот в этом отношении я очень нуждаюсь в помощи. В частности, мне очень хотелось бы знать, взято ли откуда-нибудь, если да, то откуда именно (Библия?) тема стихотворения «О слез невыплаканных яд» (Роза Иерехона, Берлин, 1924 г., с. 295), и относили ли Вы это стихотворение к каким-либо современным (до 1922 года) событиям? Значительно облегчило бы мою работу, если бы у меня были под руками хронологические списки Ваших творений.

Всякая строчка, написанная Вами мне по поводу Ваших произведений, для меня очень ценна уже тем, что она даст мне незыблемую основу для положения моего доклада. Если у Вас есть какие-либо только что вышедшие из печати Ваши новые творения, то не откажитесь указать и на них. Последнее, что здесь имеется, это «Божье древо», но я его еще не успел прочесть, так как в библиотеке оно все гуляет по рукам, и очень трудно его поймать.

На предполагаемом моем докладе я думаю выпустить несколько лиц, принадлежащих здешнему драматическому кружку с чтением нескольких Ваших стихотворений. Чтение ими стихов вообще я уже слышал не раз на разных вечерах и могу сказать, что хороший выбор стихов сделать вполне возможно.

Сердечно жму Вашу руку.

Искренне Вас, уважающий и почитающий,
Валерий Петрович Семенов-Тян-Шанский.

¹ Бунин И.А. Записи <о П.П. Семенове-Тян-Шанском и А.П. Буниной> // Последние новости. Париж, 1932. 6 марта.

<13>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
Villa Belvédère, Grasse, Alpes Maritimes
24 мая 1932 г.

Дорогой Валерий Петрович,

Пожалуйста, простите столь поздний ответ. Я был не совсем здоров. Был в Париже, только на днях возвратился в Грасс. Рад был получить весть от Вас, узнать, что Вы здоровы и благополучны, насколько это возможно в нашем положении. Благодарю Вас за Ваше намерение сделать обо мне доклад. Сожалею только, что мало могу помочь Вам в этом деле.

Шлю Вам «Господин из Сан-Франциско» по-французски — в этой книге Вы найдете некоторые сведения обо мне, но с тех пор

много воды утекло и кое-что изменилось, например, и положение мое в литературе (к лучшему, дай Бог не сглазить, хотя грех жаловаться на прошлое). Из критических статей обо мне, кажется, ничего не могу Вам послать. Их было ведь очень, очень много, и далеко не все из них у меня имеются, а что имеется, в Париже. Пороюсь нынче в сундуках, но, повторяю, вряд ли что смогу послать: всего все равно не пошлешь (даже из того, что есть под рукой), а посылать нечто случайное нет смысла. Какое из моих произведений «наиболее ярко выражает» меня, тоже затрудняюсь сказать. Послал бы Вам с большим удовольствием свои последние книги, но где их взять? У меня они есть только в одном экземпляре, а выписать другие экземпляры, увы, не имею средств. Может быть, «Русское Объединение в Финляндии» могло бы их приобрести? На всякий случай, вот адрес книжной лавки в Париже, куда можно обратиться за ними: M. Kovarsky, Librairie «La Source», 106 rue de la Tour, Paris, 16me. Прилагаю и список всего того, что вышло за границей (подчеркивал красным карандашом все новое и переработанное). К сведению Вашему сообщаю еще и то, что за последние годы вышло большое количество моих книг в переводах на иностранные языки в Германии, Англии, Америке, Франции, Италии, Испании, Венгрии, Швеции. Осенью выйдет два тома в Норвегии. Видели ли Вы, кстати сказать, шведские издания (прошлого года)? Читаете ли Вы по-шведски? Если да, могу Вам выслать эти книги. (На них есть интересные выдержки из шведской критики.) Для возобновления Вашего знакомства с моими стихами будьте добры пользоваться больше всего «Избранными стихами», ибо многое, что напечатано было мною когда-то в прежних изданиях, не стоит внимания — особенно из ранних стихотворений (к которым, между прочим, относится и то совершенно детское стихотворение, о котором Вы упоминаете: «Нет, не о том я сожалею...»).

Тема стихотворения «О слез невыплаканных яд» относится, конечно, к событиям российским. Стихотворение это не из Библии, только написано в библейском тоне. «Грядущую новь» в стихотворении «Шепнуть заклиatie» надо понимать, конечно, в смысле той новой формы жизни, которая устанавливается в России большевиками.

Сердечно жму Вашу руку!

Ваш Ив. Бунин

P.S. Жена рыла в сундуках и отобрала из русских рецензий кое-что, что, по ее мнению, более или менее интересно. Шлю Вам этот пакет. Впоследствии возвратите, пожалуйста.

О.П. Семенова.

Фотография, помещенная на фронтисписе «Жизни Ивана»

© Фонд наследия П.П. Семенова-Тян-Шанского

Olga Semenova.

Photograph placed on the frontispiece of “The Life of Ivan”

© P.P. Semenov-Tyan-Shansky Heritage Foundation

<Рукописное примечание В.П. Семенова-Тян-Шанского на отдельном листе>

Письмо И.А. Бунина от 24 мая 1932 года являлось ответом на не сохранившееся у меня в черновике мое письмо к нему об обращенной ко мне просьбе Русским Академическим объединением в Финляндии и объединениями русской молодежи, в то время существовавшими, о прочтении мною доклада о Бунине. Этот доклад и был мною написан, и впоследствии, уже после получения Буниным Нобелевской премии, прочтен мною при значительном стечении публики в собрании Академического объединения 15 декабря 1933 г. (в помещении Клуба общества «Русской колонии» в Гельсингфорсе), причем отрывки прозы и некоторые стихотворения читались во время доклада артистами Русского драматического кружка и других театральных объединений Гельсингфорса. Экземпляр доклада был послан и И.А. Бунину (через мою дочь, из Англии), еще в июне

1933 года, им прочтен в том же месяце и одобрен (в письме ИА. Бунина от 15 июня 1933 г.); И.А. Бунин этот доклад называет «речью».

<14>

*И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тянь-Шанскому
12 июля 1932 г.*

Простите, дорогой родной, что не сразу ответил, был болен. Очень благодарю Вас за доброе и интересное письмо (чудесно написали Вы об охоте), за «Жизнь Ивана». (Я с наслаждением ее перечитал и насмотрелся на милое лицо Ольги Петровны) и за рекомендацию переводчика, которому напишу на днях. На днях же вышлю Вам (если найду), лишние экземпляры моих шведских книг.

Пока до свидания. Я еще очень слаб (болен большой потерей крови, семейная болезнь, геморрой). Ваш Иван Бунин.

<15>

*В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс¹ 30 марта 1933 г.*

Дорогой Иван Алексеевич,

Вчера послал Вам заказною бандеролью с большою благодарностью отзывы критики о Вашем творчестве, которые Вы когда-то мне присылали. Вы очень давно не писали мне ничего, и меня беспокоило все это время Ваше молчание. Как Ваше здоровье и душевное состояние? Мой зять Рудольф Карлович Гэн (Gane), на которого я как-то указывал Вам, как на хорошего переводчика на английский язык с русского, был на днях здесь. Он также ничего не знает о Вас. С моим зятем я послал моей дочери в Англию мой доклад о Вашем творчестве. Его она перешлет прямо Вам по прочтению. Доклад этот был сделан мною в здешнем русском Академическом объединении во второй половине декабря и имел успех, так что у меня его брали для провинции. Пожалуйста, прочтите его и совсем откровенно сообщите, что Вы о нем думаете. Если Вы найдете его достойным какого-либо внимания, то, может быть, посодействуйте помещению его куда-либо в журнал. Обстоятельства материальные так складываются, что хотелось бы хоть малую толику на своих писаниях заработать.

У нас здесь доклады организованы так, что после них происходит обмен мнений; к докладу я поэтому приложил мою переписку с одним из моих оппонентов Ю.А. Григорковым², бывшим редактором здешней эмигрантской газеты (давно прогоревшей), который только журчащий ручеек, но все же большой любитель русской литературы,

Фотография И.А. Бунина с дарительной надписью В.П. Семенову-Тянь-Шанскому.
«Дорогому Валерию Петровичу родственно и дружески Ив. Бунин.
23 <марта 19>34 Paris»

(Фотокопия из личного архива М. Гейна).

Photograph of I.A. Bunin with a dedicatory inscription to V.P. Semenov-Tyan-Shansky.
“To dear Valery Petrovich, with kinship and friendship, Iv. Bunin.
23 <March 19>34 Paris”

(Photocopy from the personal archive of M. Gane).

в частности, поэзии. Сегодня как раз этот Григорков сделал доклад о Тютчеве. Упоминаемый в *avant-propos* к моему докладу отец Иоанн — в миру князь Шаховской³. Вы, вероятно, о нем слышали. Он был как-то здесь, и его беседы оставили здесь очень хорошую о нем память. В чтении Ваших стихов и отрывков прозы в моем докладе приняли участие здешние любительские драматические силы, но не могу сказать, что все было удачно.

Был бы очень рад, если бы Вы черкнули мне хоть несколько строк.

Сердечно жму Вашу руку и прошу передать почтительный низкий поклон Вашей супруге,
Искренне душевно Ваш,
Валерий Семенов-Тянь-Шанский.

¹ Здесь и далее так в рукописи.

² Юрий Александрович Григорков (1885–?), юрист, общественный деятель, поэт, публицист, историк литературы. Один из руководителей литературно-художественного содружества «Светлица» в Гельсингфорсе. Редактор газеты «Новая русская жизнь» (1919–1922) (Гельсингфорс); несколько его статей о литературе напечатано в «Журнале содружества».

³ Князь Дмитрий Алексеевич Шаховской (1902–1989) — в монашестве (с 1926 г.) Иоанн, впоследствии архиепископ Сан-Францисский.

<16>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тянь-Шанскому

15 июня 1933 г.

Дорогой родной Валерий Петрович, простите молчание. То хворал, то с утра до ночи писал. Вчера получил и прочел Вашу речь обо мне. Очень благодарю Вас. Прекрасно написано. Об одном жалею. Много моих юношеских вещей, коих я очень стыжусь теперь. На днях напишу подробнее и вышлю «Жизнь Ивана». Сердечно Вас обнимаю.

Ваш Иван Бунин.

<17>

В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину

Гельсингфорс, 14 ноября 1933 г.

Дорогой Иван Алексеевич, от души поздравляю Вас с Нобелевской премией. Всякий русский человек порадуется за это новое подтверждение признания не только Вашего таланта, но и величия Вашего духа. С моей точки зрения факт присуждения Вам премии является только справедливой оценкой Вашего творчества, и я возмущен бы, если бы на этот раз премия была присуждена кому-либо другому, помимо Вас. Радостное для всех нас, русских, известие сообщил по телефону в четверг девятого, как раз во время собрания нашего академического объединения, лектор здешнего университета по русскому языку литературы О.А. Шульц¹, поздравляя меня и всех русских. Тотчас я сообщил об этом в нашем собрании и не видел никого, кто бы не порадовался вместе со мною. В местных финско-шведских кругах известие было встречено не восторженно, так как одним из кандидатов на премию был Сияляппа², причем страдающие квасным патриотизмом финские интеллигентские круги в своей мании величия считали, что Сияляппа имел 90 шансов из 100 на получение премии. Лектор Шульц отзывается об этом финском писателе более чем сдержанно, считая его величиной

никак не сравнимой с Вами и находя, что лучший из его рассказов³ есть только слабое подобие тургеневского «Живые мощи». Лично я считал более серьезным Вашим конкурентом Максима Горького, и то, что он остался за флагом, меня очень и очень радует, так как никогда не был его поклонником. Радует меня и то, что премия улучшает Ваше материальное положение, не только непосредственно, но и косвенно: очевидно, что спрос на Ваши произведения значительно увеличится, и они будут в еще большем количестве переведены на всевозможные языки. Думаю, что будет спрос и на переводы на финский и шведский языки. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы написали несколько слов, как Вы смотрите на эти переводы. Не могли бы Вы уполномочить меня вести переговоры о переводах здесь и вообще быть представителем здесь Ваших интересов? Я знаком кое с кем из здешнего культурного общества, знаю нескольких очень хороших литературных переводчиков с русского на местные языки. Может быть, я мог бы быть Вам чем-либо полезным. Благодаря невысокому курсу финской марки, печатание и издание шведских книг здесь обходится много дешевле, чем в Швеции. Финны же вообще очень охочи до книги. Быть может, я смог бы что-либо заработать на таком деле. В зарплате я крайне нуждаюсь: пришлось сократиться до еды один раз в день и нажить себе малокровие. До сих пор я существовал благодаря помощи дочери и зятя, но последний был очень серьезно болен (язва в кишках, а операции делать нельзя). Медленно поправляется, мы почти лишились этой поддержки, по крайней мере, на ближайшее будущее. Я буду также очень благодарен, если бы Вы вспомнили по поводу переводов на английский язык о моем зяте (Рудольф Карлович Гэн, *Gane*, 19 Hill Side Drive, Edgeware, Middlesex, England), о чем я Вам как-то писал, ссылаясь на рекомендацию Б.К. Зайцева. Зять теперь не ходит на службу из-за болезни и имеет свободное время для занятий литературным трудом дома. Не оставляю мыслей и о напечатании моей о Вас статьи. Из Вашей сердечной открытки от 15 июня я вижу, что Вы в общем мою статью одобряете. И если пишете, что жалеете о включенных мною Ваших юношеских вещах, то для меня очень понятно Ваше чувство. Будучи сам кое-каким художником (акварелистом), я стыжусь моих вещей, писанных даже 5–10 лет назад. Но такой стыд и утешает: стало быть, я иду вперед, а не стою на месте. В своей статье о Вас, имевшей темой отражение Вашей личности в Вашем творчестве, я обязан был взять Ваши юношеские вещи. Надо было показать Ваше душевное и духовное развитие. К тому же у боль-

ших писателей и в их юношеских вещах всегда виден художник, обещающий показать в дальнейшем все свое духовное развитие. И в таких юношеских вещах уже есть то вечное, что остается после всех великих людей.

К сожалению, мои художнические занятия реально не дают мне ничего, так как здесь можно иметь какие-либо материальные блага, только имея крупное имя в художественном мире. В особенности это относится к иностранцам, притом вовсе не желанным гостям, какими являются здесь русские. Я очень стыдился бы обращаться к Вам с просьбой о непосредственной поддержке, и потому ищу каких-либо путей помощи трудовой при Вашем добром посредстве. Меня очень смущает и то, что именно теперь подобные просьбы полетят к Вам со всех концов русского рассеяния.

Получение Вами Нобелевской премии сейчас же сделало даже меня мишенью всяких просьб: надо дать о Вас статью в тот «Журнал содружества» (Выборг), № 10 которого я послал Вам не так давно. Надо также удовлетворить пользу здешнего кружка молодежи, прочесть ей лекцию о Вас.

Посылаю Вам статью о Вас из одной английской газеты. Не знаю, к сожалению, какой именно, так как получил ее уже в вырезке здесь. Быть может, этой статьи у Вас нет. Очень было бы интересно знать, как обсуждался вопрос о присуждении Вам Нобелевской премии. Имеется ли у Вас мотивировка соответствующего органа? Я знаю, что Вам теперь невозможно отвечать на все письма, получаемые со всех сторон, но все же не теряю надежды получить от Вас хоть несколько строк.

Сердечно и горячо обнимаю Вас.

Искренне Вас уважающий и любящий,

Валерий Семенов-Тянь-Шанский.

¹ Оскар Карлович фон Шульц (1872–1947) — лектор русского языка Гельсингфорского университета (1903–1937), Технической высшей школы (1937–1939), автор ряда книг и статей по русской литературе на шведском, русском, немецком и финском языках.

² Франс Эмиль Силланпя (1888–1964) — финский прозаик. Начиная с 1930 г. он неоднократно номинировался на Нобелевскую премию; она была присуждена ему в 1939 г. накануне начала Зимней войны. Силланпя писал по-фински и был поэтому мало известен за пределами Финляндии. Он остается единственным финским лауреатом Нобелевской премии.

³ Имеется в виду роман Силланпя «Усопшая в молодости» (1931).

<18>

*В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину**Гельсингфорс, 22 ноября 1933 года*

Дорогой Иван Алексеевич,

Недавно писал Вам длинное письмо. На днях вышлю Вам русский перевод статьи о Вас в здешней шведской газете Hufvudstads-bladet¹. Из нее Вы, впрочем, скорее увидите, как неглубоко плавают здешние местные культурные люди.

Хотелось бы еще раз развить свои мысли по поводу печатания Ваших произведений, не только на иностранных языках, но и на русском. Если Вы не связаны с какими-либо книгоиздательствами, то не выгоднее ли было бы Вам самому издавать Ваши произведения? Ведь книгоиздатели, конечно, наживаются на Вашем творчестве. Здесь, в Финляндии, благодаря дешевой относительно валюте, местной хорошей бумаге, очень недорогой благодаря дешевизне рабочих рук, печатание книг обходится недорого. Мне знакомы две хорошие типографии, с которыми я имею дело, где имеются хорошие русские наборщики. Если бы Вас заинтересовал этот вопрос, я мог бы сообщить более подробные сведения о стоимости печатания книг. Во мне Вы бы нашли самого аккуратного и точного корректора и помощника и дали бы мне заработать на хлеб насущный своим трудом — единственно для меня возможным в моем возрасте. Работа по изданию книг для меня не нова, приходилось ею заниматься и в России: на мне лежало издание мемуаров моего отца, и думаю, что мне удалось это выполнить вполне удачно. Кстати, я получил только что письмо от моего зятя Р.К. Гэна, который просил меня доставить ему доклад мой о Вас. Он хотел из него написать статью о Вас для помещения в каком-то английском журнале. Со всякими сведениями о Вас и Вашем творчестве меня рвут на части: просит статью о Вас тот русский журнала в Выборге, которого № 10 я послал Вам. Просили прочесть мой доклад для написания статьи в финский журнал. Молодежь русская тоже просила прочесть им снова доклад о Вас. К сожалению, мало времени для подготовки ко всему этому, да и материально это ровно ничего не приносит.

Сердечно Вас обнимаю. Мой глубокий поклон Вашей супруге. Искренне Вас уважающий и любящий Валерий Семенов-Тянь-Шанский.

¹ «Столичная газета» — шведоязычная газета, издающаяся в Финляндии.

<19>

*В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс 9 декабря 1933 года*

Дорогой, родной Иван Алексеевич,

Только что из газет узнал, что Вы уже в близком соседстве с нами. Писал Вам два раза, не знаю, получили ли Вы мои письма. Был бы бесконечно рад, если бы Вы заехали в Гельсингфорс. Наше Академическое объединение, да и все русские сразу же Вас встретили бы. Телеграфируйте мне заранее, если приедете. Знаю, что все чествования очень утомительны, но постараемся, чтобы здесь Вы чувствовали себя не на официальном положении, а как в родной семье.

Низкий поклон Вашей супруге, думаю, что она как всегда с Вами. Крепко Вас обнимаю.

Искренне Ваш, Валерий Семенов-Тянь-Шанский.

<20>

*И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тянь-Шанскому
Вилла Бельведер, Грасс, 15 марта 1934 года*

Дорогой милый Валерий Петрович, когда все это случилось, письма посыпались на меня градом, и все они пошли к тому, кто стал моим временным секретарем¹, потому что я лично не имел буквально единой свободной минуты. Затем мы из Швеции уехали недели на 2 в Дрезден и возвратились в Париж. Возвратясь в Париж, я захворал. Получил какой-то изнурительный кишечный грипп. Больной вернулся и в Грасс, и болезнь эта длилась чуть не до самого последнего времени. Простите же мне, ради Бога, мое молчание. Я только теперь начал приходить в себя и разбирать всю эту грудку бумаг, которые получались на мое имя и только теперь попали в наши руки, с помощью жены, которая тоже хворала и была в очень тяжелом душевном состоянии по причине недавнего самоубийства ее брата в Москве².

Сердечно благодарю Вас за все Ваши последние письма. Горячо сожалею, что никак не могу откликнуться практически ни на одно Ваше предложение. Дело по устройству перевода моих сочинений на разные языки все передано в Парижское литературное агентство — я лично не имею теперь права вмешиваться в него. Поэтому ничего не могу предложить для перевода на английский язык Вашему зятю. Не могу, к большому моему сожалению, привлечь и Вас к устройству перевода в Финляндии. Вышел бы настоящий скандал с агентствами. (Кстати, о Финляндии от этих агентств нет ни слуху, ни духу.) Потом, Вы говорите о печатании собраний моих сочинений

по-русски (о печатании тоже в Финляндии). Но о печатании этом на свой счет я, увы, и думать не могу. Дела мои сложились гораздо печальнее, чем многие думают. Я отдал множество долгов, наделанных мною за последние годы, очень истратился на поездку в Швецию, для каковой поездки нужно было еще и одеться и мне, и жене с ног до головы, ибо мы были буквально раздеты и разуты. Должен был пожертвовать чуть ли не состояние на писателей, на «Комитет помощи писателям», на «Союз журналистов и писателей», и на всяких прочих лиц и на всякие другие организации; должен содержать теперь двух сирот покойного брата Евгения (умер внезапно в конце прошлой осени в городе Ефремове Тульской губернии, в страшной нищете, конечно)³; должен посылать голодающим родным Веры Николаевны (в Москву); должен и теперь раздавать чуть не каждый день всякие мелкие суммы всем тем, что приходят или пишут, говоря, что совершенно умирают с голоду. И так далее, и так далее. Как же мне жить теперь? То, что у меня осталось, пришлось обратить в бумаги, с процентов (весьма малых) на которые и надо теперь существовать. Ибо ведь прежние субсидии, получаемые мной, теперь, конечно, прекратились — и навсегда уже. Вы говорите о доходах с переводов меня на разные языки. Но если бы Вы знали, сколько своих вещей я распродал из-за совершенной бедности в последние годы.

Сердечно обнимаю Вас. Посылаю Вам «Жизнь Ивана». Выслать ли Вам рукопись Вашей лекции обо мне или можно оставить себе? Ваш Иван Бунин.

Все-таки, если можно устроить в Финляндии перевод чего-нибудь моего, напишите моему представителю в Париже. Мг М. Слоним (Марк Львович)⁴. Bureau Littéraire, 13 rue Bonaparte, Paris 6.

¹ Речь идет об Андрее Седых (наст. имя — Яков Моисеевич Цвибак, 1902–1994).

² Павел Николаевич Муромцев (1887–1933) — врач, брат В.Н. Буниной, покончил с собой 12 ноября 1933 г., а 5 марта 1933 г. умер ее отец — Н.А. Муромцев.

³ Евгений Алексеевич Бунин (1858–1933), старший брат И.А. Бунина. В очерке «Гегель, фрак, метель» Бунин писал:

В деревне за городом Ефремовом Тульской губернии, в мужицкой полуразрушенной избе, доживал в это время свои последние дни мой старший брат Евгений Алексеевич Бунин. Когда-то у него было небольшое имение, которое он после мужицких бунтов в 1905 г. вынужден был продать и купить в Ефремове небольшую усадьбу, дом и сад. И вот стали доходить ко мне в Париж сведения о нем:

— Ты, вероятно, не знаешь, что Евгения Алексеевича выгнали из его дома в Ефремове, теперь он живет в деревне под городом, в мужицкой избе с провалившейся крышей. Зимой изба тонет в сугробах, в щели гнилых стен несет в метель снегом... Живет тем, что пишет портреты. Недавно написал за пуд гнилой муки портрет Васьки Жохова, бывшего звонаря и босяка. Васька заставил изобразить

себя в цилиндре и во фраке, — фрак и цилиндр достались ему при грабеже имущества ваших родственников Трухачевских, — и в плисовых шароварах. По плечам, по фракку военные ремни с кольцами <...>

Перечитывая письмо племянника, хорошо представляя себе эту сгнившую, с провалившейся крышей избу, в которой жил Евгений Алексеевич, в щели которой несло в метель снегом, вспомнил и перламутр и аметист столь великолепной в своей поэтичности блоковской «метели». За гораздо более простую ефремовскую метель и портреты Васек Жоховых Евгений Алексеевич поплатился жизнью: пошел однажды зачем-то, — верно, за гнилой мукой какого-нибудь другого Васьки, — в город, в Ефремов, упал по дороге и отдал душу Богу. (*Бунин И.А.* Гегель, фрак, метель // *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 257–259.)

Год смерти Е.А. Бунина во многих источниках указан неверно; ее точная дата — 21 ноября 1933 г. Дети Е.А. Бунина, Арсений и Маргарита, появились лишь на склоне его жизни от крестьянки из деревни Кропотово, Натальи Андреевны, служившей у них экономкой. Им он дал свою фамилию.

⁴ Марк Львович Слоним (1894–1976) — писатель, публицист, литературовед и переводчик. В эмиграции в Берлине (1922), затем в Праге (1922–1927) и в Париже. После поражения Франции смог выехать в США (1941).

<21>

В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину

Гельсингфорс, 23 марта 1934 года

Дорогой, родной Иван Алексеевич!

Бесконечно рад был получить от Вас долгожданное письмо. Несмотря на его, в общем, грустный тон, оно меня порадовало, как радуется все, в чем светится человеческая доброта. Что касается моего зятя и меня, то я, прочитав в газетах Ваше письмо о необходимости обращаться со всеми делами, касающимися переводов Вашего творчества к М.Л. Слониму, тотчас написал к нему и имею от него два письма. В первом он сообщил, что напишет Р.К. Гэну в Англию, а во втором писал по поводу моих произведений, что его может интересовать лишь вопрос о переводе Ваших произведений на финский язык, и просил переговорить с издателями по этому поводу, обещая мне 10% комиссии с суммы, которая может быть предложена издательствами автору за перевод. Ввиду этого я уже предпринял некоторые шаги по поводу перевода Ваших произведений на этот язык, так как имею знакомство со многими людьми, хорошо владеющими в литературном смысле русским и финским языками. В ближайшие дни выясню дело более детально. Пока знаю, что никаких переводов Ваших вещей на финский язык не издавалось. Кроме того, я имею еще в виду переговорить с одним здешним талантливым переводчиком стихов на шведский язык, который обожает русскую литературу и который уже много переводил стихов с русского на шведский, в том числе превосходно перевел стихи Баратынского на смерть Гете. Я думал бы предложить ему перевод всех Ваших

стихов, относящихся к скандинавской мифологии и к Финляндии. Был бы Вам очень признателен, если бы Вы сами назвали мне то, что, по Вашему мнению, следовало перевести. Думаю, что смогу найти переводчика и на финский язык таких стихов. Финны большие патриоты и сейчас имеют «скандинавскую ориентацию». Ознакомление финнов с Вашими стихами из финно-скандинавского мира очень расположило бы публику к Вам, и тогда спрос на Вашу прозу был бы обеспечен. Сборник или первая книжка могла бы состоять сперва из Ваших стихов, а затем из таких вещей, как «Господин из Сан-Франциско», «Братья» и другие. Но мне совершенно необходимы: первое, Ваше указание, что из стихов может быть напечатано, и второе — шведские переводы Ваших произведений. Я непременно должен дать переводчику русские и шведские тексты Вашей прозы, тогда художественность перевода на финский будет легче обеспечена. Мне бы совершенно необходимо было, таким образом, получить от Вас: первое — шведские переводы и второе — Ваш стихотворный последний сборник. Когда-то Вы писали, что можете мне послать шведские переводы, но я их не получил. Стихотворный же Ваш сборник здесь не достать.

«Жизнь Ивана» я пока еще не получил. Но вот что, если хотите иметь эту книжку, я могу здесь ее приобрести за недорогую, вероятно, цену — может быть, Вы ее приобретете. Я Вам дополнительно напишу, что за нее спрашивают. Об этой книжке моей сестры мой брат Вениамин¹ (профессор географии), возрастом на один год девять месяцев старше меня, то есть чуть-чуть старше Вас, писал в одной из своих географических работ так:

При оценке значения долинно-овражного подтипа южного долинного заселения Европейской России, не следует забывать, что теперь это самая хворая экономически и духовно часть России, а наиболее хворое в ней место — прямо на юг от Москвы. Весь тихий ужас духовного и материального состояния здешнего населения эпически изображен в посмертных этнографических очерках моей покойной сестры, написанных ею накануне неясных проявлений революционного движения в этой местности. А ведь в долинно-овражном подтипе заселения как раз и помещается вычисленный Менделеевым центр населения всей империи, в середине XIX века находившийся, по-видимому, где-то вблизи Оки, а к нашему времени передвинувшийся в пространство между Козловым и Моршанском. (Город и деревня в Европейской России. *Записки Императорского Русского Географического общества. Том 10, выпуск 2, с. 36*).

Мою статью о Вашем творчестве оставьте, пожалуйста, себе. У меня есть другой экземпляр. В сокращенном виде эта моя статья о Вас появилась в литературном здешнем Выборгском «Журнале Содружества». Посылаю Вам 2-й номер этого журнала, где эта статья помещена. Прилагаю также все, что было написано о Вас в этом журнальчике. О моей статье и о Вас дал хороший отзыв П. Пильский² в газете «Сегодня». Он написал: «Интересную и дельную статью об И.А. дал В.П. Семенов-Тянь-Шанский»³. Я бы очень хотел поместить мою статью в какой-либо серьезный журнал в полном виде. Только что получил от Вл.Мих. Зензинова, которого не знаю, письмо, в котором он просит предложить здешним издательствам перевод его книги «И.А. Бунин, его жизнь и творчество»⁴, причем пишет, что Вы читали эту книгу в рукописи, ее одобрили и исправили. Эта книжка, по-видимому, носит характер Вашей биографии и не может конкурировать с моей статьей. Я хочу написать Зензинову (не знаю, имеет ли он отношение к «Современным запискам»), что — услуга за услугу — я буду стараться предложить здесь перевод его книги, а он пусть старается поместить мою статью в какой-либо журнал. Что Вы думаете по этому поводу? По поводу перевода на финский язык Ваших произведений я напишу одновременно М.Л. Слониму подробно. К сожалению, финская марка стоит невысоко, да и здешние издательства, жалуясь на кризис, дают обыкновенно очень мало за право перевода, и я не знаю, столкнемся ли мы с М.Л. Слонимом, если бы в принципе удалось достигнуть соглашения о печатании и переводе Ваших вещей.

К числу стихов, которые по своему характеру, по моему мнению, могли бы заинтересовать финнов, я отношу «Северную березу», «Призрак Одина», «Бальдер», «Диза», «Геймдаль», «Безнадежность», «Трясина», «Один», «Оттепель». Есть, кажется, у Вас стихотворения об Иматре, и, может быть, другие, относящиеся прямо к Финляндии. К сожалению, у меня под руками только Ваше Полное собрание сочинений издания Маркса, «Митина любовь» и «Роза Иерехона». Других книжек нет. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сделали мне нужные указания. Мой низкий поклон Вере Николаевне и большое сочувствие ее горю. «Потери нам даны без меры»⁵. Здесь тоже кругом все смерти и смерти. За одну эту зиму похоронили около шести человек, знакомых русских беженцев. Послал Вам сегодня второй номер «Журнала Содружества» и также предлагаю Вам две выписки из того же журнала. Одна заметка полемического характера принадлежит мне.

Крепко Вас обнимаю и целую руку Веры Николаевны. Душевно Ваш, Валерий Семенов-Тянь-Шанский.

¹ Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский (1870–1942) — выдающийся географ и статистик, с 1925 г. профессор Ленинградского университета, основатель и директор Географического музея, в 1930-е гг. подвергся травле и обвинен в антисоветской деятельности, умер от голода во время блокады. Автор посмертно опубликованных мемуаров [13].

² Петр Мосевич Пильский (1879–1941) — журналист довоенной Латвии, обозреватель газеты «Сегодня», заведующий ее литературным отделом, писатель.

³ См.: П.П. <Пильский П.М.> Русский журнал в Финляндии. Выборгский ежемесячник «Журнал содружества» // Сегодня. 1934. № 66. 7 марта. С. 2.

⁴ Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) — журналист, писатель, этнограф, член партии социалистов-революционеров. С 1919 по 1939 гг. жил в Париже, Праге, Берлине, с 1940 г. в США. Записи бесед Зензинова с Буниным были опубликованы в Нью-Йоркском «Новом журнале» (Зензинов В.М. И.А. Бунин // Новый журнал. 1942. Кн. 3; 1965. Кн. 81. С. 270–276; 1981. Кн. 144. С. 133–139.)

⁵ Цитата из стихотворения И.А. Бунина (1922):

Душа навеки лишена
Былых надежд, любви и веры.
Потери нам даны без меры,
Презренье к ближнему — без дна.

И что мне будущее благо
России, Франции! Пускай
Любая буйная ватага
Трамвай захватывает в рай.

<22>

*В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс, 10 апреля 1938 года*

Дорогой Иван Алексеевич, давно я Вам не писал. На днях прочитал в Рижской газете «Сегодня», что Вы вскоре собираетесь в прибалтийские страны, будете в Ковно, Риге и, может быть, Ревеле. Не собрались бы Вы посетить и наш Гельсингфорс? Здесь есть Общество друзей русских скаутов¹. Я состою членом правления. Мы очень охотно взяли бы на себя все хлопоты получить для Вас финляндскую визу и взяли бы и расходы по Вашему пути сюда из Ревеля и пребывание Ваше в течение нескольких дней здесь. Конечно, нам нужно было бы знать размер предстоящих расходов. Сколько будет стоить виза и пароходный билет — это мы знаем, но определите сумму расходов на Ваше здесь пребывание и сообщите мне. Мы устроили бы здесь одну или две Ваших публичных лекции или литературный вечер — сообщите лишь, что Вам более улыбается, а также тему лекции. Вас пришли бы слушать не только все русские, но и шведы и финны из литературного мира, говоря-

шие по-русски. Председательницей нашего общества, заботящегося о сохранении в наших юношах национального чувства, состоит баронесса Екатерина Ипполитовна Майдель² — человек с высшим образованием и весьма энергичный и хороший организатор. Черкните мне несколько слов и укажите Ваш адрес для дальнейшего, более подробного разговора.

Искренне Вас любящий и уважающий
Валерий Семенов-Тян-Шанский.

¹ Речь идет о сохранившемся в эмиграции движении русских скаутов, основанном на волне популярности переведенной на русский язык в 1908 г. книги Р. Баден-Пауэлла «Юный разведчик» (*Баден-Пауэлл Р. Юный разведчик* / пер. с англ. В.Ч. [Санкт-Петербург]: Гл. упр. Ген. штаба, 1910. VIII, 384 с.: ил.; в оригинале — *Scouting for Boys*). Девизом организации стала триада: «Вера в Бога. Верность царю. Помощь Ближним». К 1917 г. книга переиздана трижды (ее мировые тиражи в переводе на многочисленные языки, насчитывали к тому моменту уже более 100 000 000 экз.), в России было более 50 тысяч скаутов, а отряды действовали в 143 городах. В Советской России движению наследует пионерская организация. В 1930-х гг. небольшая организация русских скаутов (29 человек) входила в состав финских скаутов отдельным отрядом. Для ее поддержки было учреждено Общество друзей скаутов, устраивавшее в их пользу вечера и сбор пожертвований [7].

² Екатерина Ипполитовна Майдель (рожд. Студницкая, 1890–1971), родилась в Архангельске в семье морского офицера. Окончила Кронштадтскую женскую гимназию, затем Санкт-Петербургский педагогический институт. Ее воспоминания хранятся в Москве в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына.

<23>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс, 14 апреля 1938 года

Дорогой Иван Алексеевич,

На днях, узнав из газеты «Сегодня» (Рига) о том, что Вы в конце апреля будете в Прибалтике, написал Вам письмо через М.М. Федорова¹ с просьбой сообщить, не согласитесь ли Вы навестить Гельсингфорс и прочесть здесь одну-две лекции или быть участником (единственным) литературного вечера; такой здесь берется устроить Общество друзей русских скаутов, заботящееся о сохранении в русских детях и юношах русской национальности. В Финляндии право устройства вечеров, концертов и прочего принадлежит как частным лицам, так и легализованным обществам и объединениям, к числу которых принадлежит, между прочим, и названное общество. Разница только в том, что таким объединениям, как наше общество, разрешение на устройство вечеров и прочее дается административной властью легче и без обложения пятнадцатипроцентным сбором, как это имеет место по отношению к частным лицам. Кроме того,

если вечер не носит характера благотворительного, его участник, если он не финский гражданин, должен еще иметь разрешение или право на труд. Общество друзей русских скаутов, во главе которого состоит баронесса Екатерина Ипполитовна Майдель, женщина с высшим образованием, ученица покойного академика С.Ф. Платонова², берет на себя хлопотать Вам визу в Финляндию, и все устроить для Вашего сюда приезда и лекций или вечера, а также оплатить Ваши путевые расходы от Ревеля до Гельсингфорса и обратно (если это потребуется) и Вашу здесь остановку на несколько дней, конечно, если Вы укажете и сговоритесь с обществом о сумме. Приезжавший недавно сюда тенор Д.А. Смирнов³ устраивал здесь свои концерты благотворительного характера именно через это общество и назначал на оплату всех своих расходов сто эстонских крон (около 1250 финских марок). Этим он очень помог обществу, так как оно выручило за два его концерта около 3000 финских марок сверх оплаты его поездки сюда. Если цель общества Вам симпатична, не откликнетесь ли Вы на его просьбу. Напишите мне поскорее несколько слов, чтобы сговориться. Бесконечно буду рад и лично с Вами свидеться. Если будете читать лекцию или две, напишите, на какие темы. Вас придут послушать, конечно, все русские, а также те шведы и финны, которые знают русский язык. Нам, конечно, нужно будет заранее оповестить через газеты о Вашем приезде. Жду Вашего согласия.

Искренне Вас уважающий и любящий

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

¹ Михаил Михайлович Федоров (1858–1949) — российский государственный и общественный деятель министр торговли и промышленности. Участник Белого движения. Эмигрировал во Францию и продолжил политическую (председатель Европейской секции Русского национального союза и вице-президент Русского национального комитета) и культурную деятельность (вице-президент Всемирного Пушкинского комитета, глава Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей).

² Сергей Федорович Платонов (1860–1933) — российский историк, академик РАН (1920, исключен в 1931 г., посмертно восстановлен в 1968 г.), в 1929 г. стал мишенью провокационного политического процесса («Академическое дело»), после полугодового тюремного заключения выслан в Самару, умер в ссылке, реабилитирован в 1967 г.

³ Дмитрий Алексеевич Смирнов (1882–1944) — русский оперный певец, лирико-драматический тенор, в эмиграции с 1920 г. После неожиданной смерти жены в 1937 г., похороненной, согласно ее завещанию, в Псково-Печорском монастыре (тогда находившемся на территории Эстонии), дал ряд благотворительных концертов в Таллине, Тарту, Печоры; в декабре 1937 г. переехал в Эстонию и затем в Латвию.

<24>

*В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс 23 апреля 1938 года*

Дорогой Иван Алексеевич,

Я дважды писал Вам в Париж через М.М. Федорова и в Ковно через профессора Сеземана¹ и просил Вас сообщить, не приедете ли Вы в Гельсингфорс. Ответа от Вас не получил. Между тем в газете «Сегодня» (Рига) читал, что Вы собираетесь сюда к нам. В таком случае какая организация — русская или финская, Вас сюда приглашала? Я здесь почти всех знаю и никто не говорил мне, что взялся организовать сюда Вашу поездку и позаботиться о Вашем здесь пребывании. Если бы Вы черкнули мне два слова, я бы Вам здесь все устроил и бесконечно рад был бы и лично Вас видеть, вне всякой официальной сутолоки. Не теряем надежду, что Вы мне ответите. Пошлите *air mail* Ваш ответ. Мы устроим здесь все для Вас, как я уже Вам предлагал в двух предыдущих письмах. Только надо знать заранее Ваш ответ. Одни ли Вы путешествуете или вдвоем?

Искренно душою Ваш,

Валерий Семенов-Тянь-Шанский

P.S. На всякий случай повторяю вкратце мои письма. Общество друзей русских скаутов (легализованное), берется хлопотать о Вашей сюда визе, оплатит Ваш сюда и обратно проезд (Ревель — Гельсингфорс) и Ваше здесь пребывание в течение нескольких дней с тем, что оно устроит одну-две Ваших лекции или вечера. Общество это заботится о сохранении в нашей молодежи национального чувства и вместе с тем поддерживает два наших скаутских отряда, мальчиков и девочек. Наши отряды считаются здесь одними из самых лучших из всех скаутских здешних организаций, финских и шведских. В.С.

¹ Василий Эмильевич Сеземан (1884–1963) — философ, профессор Каунасского университета, арестован в 1950 г., в заключении до 1958 г. Входил в круг близких друзей В.П. Семенова-Тянь-Шанского.

<25>

*В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс, 28 апреля 1938 года*

Дорогой Иван Алексеевич,

Ваше письмо из Ковно получил сегодня. Хотя я очень понимаю Вас, что Вы можете устать от мотания, но все-таки очень прошу Вас, приезжайте! Ведь от Ревеля сюда небольшой (четыре часа) переход морем. Вы много путешествовали морями и знаете, что море ско-

рее успокаивает, а затем из Гельсингфорса идут пароходы прямо в Антверпен 4–5 дней — опять отдохнете и минуете Германию. Пароходы чистые и не шумные. Я же постараюсь, чтобы здесь не было мотания для Вас. Город у нас не шумный, да и русское общество не так значительно, около двух тысяч человек. Конечно, Вас будут встречать и провожать, и придется выслушать не один раз приветы, но я всячески буду Вас оберегать от всякой назойливости. Очень прошу Вас отложить всякие иные, кроме нашего, то есть друзей русских скаутов, приглашения. Просто отвечайте, что едете по моему приглашению, как Вашего родственника, и что поручили все мне, а я уже буду фактически отбояриваться за Вас от приглашений. Не беспокойтесь о расходах, ведь виза Ваша, проезд из Ревеля и Ваше пребывание здесь будут оплачены Обществом друзей русских скаутов. Приедете Вы, и это будет большим культурным праздником для наших скаутов, да и всех нас. Мы должны давать им духовную пищу. Кстати, посылаю Вам маленькую книжечку, ими написанную о посещении ими Валаама в 1936 году. Буду ждать от Вас ответа, и не теряем надежды на благоприятный. Напишите только, когда приедете, а лучше всего известиться по телефону 66 677 из Ревеля — это стоит пустяки. Лучше всего звонить между 2–3 часами днем или после 6 вечера. Или напишите, где остановитесь в Ревеле, тогда я смогу Вам позвонить. Ваш ответ желателен скорее, так как надо достать визу, взять зал, знать тему Ваших лекций, заказать комнату, дать объявления в газетах и прочее. Если нужно, прикомандирую к Вам своего сына¹ и сына баронессы Майдель, Бобу Майдель², премилого молодого человека. Сын говорит на всяких языках, а Майдель знает хорошо местные, финский и шведский.хлопот Вам не будет никаких, и скорее у нас отдохнете, чем утомитесь. Сердечно Вас обнимаю.

Искренне Вас любящий и уважающий.

¹ Александр Валерьевич Семенов-Тян-Шанский (1900–1987) — инженер, во время войны лейтенант финской армии, переводчик при К.Г. Маннергейме.

² Борис Борисович Майдель (1917–1974).

<26>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину

14 мая 1938 года, Гельсингфорс

Дорогой Иван Алексеевич,

Очень огорчены мы все здесь, что Вы не доехали до нас всего каких-нибудь 100–150 километров. И это тем более грустно, что

теперь надежда увидеть Вас в Гельсингфорсе очень уменьшилась. Нам не под силу было бы приглашать Вас сюда из Франции. Мы было уже все здесь для Вас приготовили, получили для Вашей лекции парадный зал в Университете, выяснили возможность получения для Вас визы и так далее. О своем личном огорчении я уже не говорю. Впрочем, судьба теперь так переменчива, что наперед загадывать ничего не приходится. Если Вы будете что-либо писать о своих впечатлениях о поездке в Прибалтику, пришлите мне. Я очень интересуюсь ими, как всем, что Вы пишете¹.

Мой поклон Вашей супруге.

Искренне Вас любящий и уважающий,

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

¹ Об этой поездке И.А. Бунина см.: [3]. См. также: [8].

<27>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому

3 июля 1951 года

Дорогой Валерий Петрович, все время войны, до окончания ее мы провели в Грассе (возле Cannes), когда нельзя было написать Вам, а когда вернулись в Париж, я вскоре тяжело заболел — внезапно начались у меня приступы астмы, было несколько воспалений легких. Затем я пережил страшную операцию простаты, каковая операция буквально спасла меня от неминуемой смерти, а теперь я продолжаю задыхаться, стал худ, как мумия, и слаб, как ребенок... Все же очень хотелось написать Вам, но я был уверен, что по Вашему прежнему адресу писать бесполезно, но вот недавно совершенно случайно узнал, что под Парижем живет Ваш племянник¹, написал ему, и он дал мне Ваш новый адрес и, слава Богу, хорошие вести о Вашем здоровье. Вот и пишу и жду от Вас ответа, и горячо обнимаю Вас,

Ваш Иван Бунин.

P.S. Как только получу от Вас письмо, pošлю Вам «Жизнь Ивана» покойной сестры Вашей. Сохранил эту книгу в целости и сохранности.

¹ Племянник В.П. Семенова-Тян-Шанского — о. Александр Семенов-Тян-Шанский (см. о нем примеч. 17 выше); в это время он был настоятелем церкви при Русском доме в Rozay-en-Brie в 50 км от Парижа в департаменте Сена и Марна.

<28>

*И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
Париж, 12 июля 1951 г.*

Дорогой Валерий Петрович, эту записочку подаст Вам тот, которого я прошу Вас принять — чтобы он, возвратясь в Париж, рассказал мне, как поживаете Вы. Сердечно обнимаю Вас, Ваш Ив. Бунин.

<29>

*В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
17 июля 1951 года, Гельсингфорс*

Дорогой Иван Алексеевич,

Очень рад был получить Ваше письмо от 3 июля и узнать, что Вы после перенесенных Вами болезней здоровы и бодры, считаюсь, конечно, с нашим возрастом, когда здоровье становится понятием относительным. Вполне сочувствую Вам и понимаю все то, что Вам пришлось перенести в смысле всяческих недугов. У меня тоже был простат, причем начавший меня лечить русский доктор в Финляндии применял сперва неправильный метод лечения, и я, увидав эту ошибку, обратился к другому — шведу, который меня совершенно починил, не прибегая к операции, исключительно Х-лучами.

Теперь прошло с этого времени уже больше 10 лет, и эта болезнь не причиняет мне никаких беспокойств. Но, конечно, возраст свое берет. Сердце уже не так работает, как раньше, хотя острой формы астмы у меня нет. Подагра, ревматизм, склероз все же дают себя знать. Сейчас я живу на даче, правильнее, на голубятне (мансарде), в окрестностях Гельсингфорса, в 44 от него километрах, где мы проводим уже третье лето, если можно применить это слово в применении к Финляндии. Когда одного француза, прожившего в Финляндии несколько лет, спросили, какой в нашей стране климат, он сказал: «Dix mois dure l'hiver et deux mois on attend l'été»¹. Вот эти 2 месяца мы и проводим обычно на даче. Впрочем, в прошлом году было несколько иначе: большую часть мая и июня я провел в плавании отсюда в Лондон, пребывании там и возвращении тем же путем обратно, с остановкою в общем на 5 дней в Стокгольме, куда на это время я завез мою жену² (к моей племяннице, дочери небезызвестного Вам Михаила Николаевича Семенова, моего троюродного брата, в свое время бывшего одним из «Скорпионов»³). В Лондон я ездил к моей дочери на ее серебряную свадьбу. Ее я не видел 14 лет и не был знаком вовсе со своими внуками. Удалось познакомиться, впрочем, только с одним младшим, а старший, уже окончивший Эдинбургский университет, находится на службе в колонии Танганьика в Восточной Африке. Пребывание у дочери

в Лондоне заменило мне вполне пребывание на даче, так как дочь имеет свой коттедж около Ричмонда, и через ее садик летают жуки-олени. Дом лежит между Ричмонд-парком и ботаническим садом Кью, где масса вековых деревьев. Благодаря этому я мог заниматься и живописью. Я привез сюда более десяти своих акварелей, часть которых удалось даже здесь поместить на выставку. В области живописи мне, несмотря на возраст, удалось кое-чего достичь, и одна моя картина попала даже в здешний городской музей. Но вообще заниматься искусством здесь трудно, так как к модернистам я не принадлежу, а модернизм здесь в моде, но имеет грубую мужицкую форму. С другой же стороны, проникает сюда с Востока и пропаганда совсем другого искусства, поставленного на службу «государственному режиму». За время отсутствия переписки между нами много нам обоим пришлось пережить разных общественных невзгод, мне даже, пожалуй, больше, чем Вам, так как у Вас гораздо менее восточного ветра, чем у нас. И в Финляндии он и в буквальном, и в переносном значении несет всегда непогоду. По окончании войны у нас ведь 20 человек русских гельсингфорсцев были уведены в рабство за границу. Но об этом здесь не полагается говорить громко, хотя среди них были и финские граждане⁴. Лично я, благодаря имени моего отца, чрезвычайно высоко чтимого за этой границей, оказался забронированным и никаким опасностям не подвергался. Даже, наоборот, испытал к себе внимательное отношение, о чем и расскажу далее. За все это время перечитал многое из Вашего литературного творчества. В частности, получил от дочери в подарок Ваши воспоминания. Не имея их сейчас на даче под руками, ограничусь только тем, что скажу несколько слов по поводу упоминания Вашего обо мне лично и о воспоминаниях моего отца. Очень сожалею, что нам не удалось обменяться письмами по этому поводу до выпуска Вами в свет Ваших воспоминаний, так как я мог бы Вам сообщить несколько дополнительных данных и даже поправок к тому, что Вы написали. Из мемуаров отца теперь уже вышел в СССР и 2-й их том (путешествие в Среднюю Азию). Внешний вид этого издания довольно жалкий: плохая бумага, масса глупых опечаток, убогие (по исполнению) иллюстрации, отсутствуют те примечания, которыми мы в свое время снабжали другие томы. Но самый текст не искажен намеренно, и, насколько мне не изменяет память, ничего из текста не опущено⁵. Академия наук и Географическое общество прислали мне в подарок по одному экземпляру и этого второго тома мемуаров, и книжки «Столетие Географического общества». Выпуску этих книг предшествовало и словесное (от здешней дипломатической миссии в лице представителя ВОКС, то есть Всесоюзного отдела или

общества культурной связи с границей), а потом и письменное — от Географического общества и Академии — обращение ко мне с просьбой сообщить некоторые данные, воспоминания и сведения о моем отце, так как предполагалось даже переиздать и первый том воспоминаний отца. В ответ на это я и сообщил моим корреспондентам некоторые данные об отце, им там неизвестные, и воспользовался случаем высказать свои пожелания о том, в каком виде желательно было бы издание и переиздание томов первого и второго, то есть что текст ни в каком случае не может быть сокращен или изменен. В этом случае я воспользовался тем, что оказался, по полученным мною сведениям, одним оставшимся в живых сыном своего отца, так как все мои братья (два старше меня, один моложе), и старший мой племянник оказались умершими в 1942 году от истощения в осажденном немцами Петербурге⁶. Погибли на войне также один или два моих младших племянника. Но как ни оказывается привилегированным мое положение, я все-таки считаю необходимым быть очень осторожным в высказывании своих мнений, главным образом потому, что это может невыгодно отразиться на оставшихся на родине родственниках. Так я послал моему племяннику, о. Александру во Францию одну мою работу по поводу того, что печатается на нашей родине о Пушкине. Племянник хотел даже отдать напечатать ее в один русский журнал, но я не мог бы ее во всяком случае выпустить в свет под своим именем. Ввиду того, что на родину нельзя посылать даже своего мемуарного материала полностью, я пишу для себя и своих иммигрантских родных мои «Страницы семейной хроники»⁷. Думаю, что Вас могло бы заинтересовать то, что я пишу об искусстве, так же, как и то, что касается истории нашего рода, в частности о роде Буниных, от которых происхожу по женской линии. Если Вас это интересует, черкните мне на городской адрес, и я постараюсь прислать Вам копию рукописи. Буду очень рад, если Вы мне напишете.

Большой поклон Вашей супруге. Крепко Вас обнимаю. Ваш Валерий Семенов-Тян-Шанский.

¹ Десять месяцев длится зима и два месяца ждут лета (*франц.*).

² В конце 1930-х гг. В.П. Семенов-Тян-Шанский разошелся со своей первой женой, уехавшей к дочери в Англию, и женился вторично на Марии Ипполитовне Студницкой (1899–1999).

³ М.Н. Семенов (1873–1952), троюродный брат В.П. Семенова-Тян-Шанского (сын двоюродного брата его отца, зоолога и ботаника Н.М. Семенова). В конце 1890-х гг. издавал первый в России марксистский журнал «Новое слово». В начале 1900-х гг. сблизился с кругом московских писателей-модернистов и вошел в число сотрудников книгоиздательства «Скорпион»; женился на сестре основателя «Скорпиона» С.А. Полякова Анне Александровне.

⁴ Речь идет о так называемых «узниках Лейно». Ср.: «После заключения перемирия между СССР и Финляндией в сентябре 1944 года в Финляндию прибыла союзническая Контрольная комиссия под председательством А. Жданова. Расстановка политических сил в стране изменилась: компартия и левые партии, выйдя из подполья, приняли участие в парламентских выборах, на пост министра внутренних дел под давлением Жданова назначили коммуниста Ю. Лейно. 20 апреля 1945 года министр Лейно получил утвержденный Ждановым список 22 русских эмигрантов с требованием немедленно арестовать их и передать советской стороне. Одиннадцать из них были гражданами Финляндии, остальные имели так называемые «нансеновские» паспорта. Это были люди разного возраста и различных политических взглядов. Среди них — и бывшие офицеры-монархисты, такие как генерал Северин Добровольский, ротмистр Дмитрий Кузьмин-Караваев, и один из руководителей Кронштадтского восстания моряк Степан Петриченко, которому удалось в 1921 году уйти в Финляндию. Были в роковом списке и совсем молодые люди. ... Ночная операция — обыск и арест двадцати человек (двое из списка в тот момент находились за границей и их миновала чаша сия) — проводилась финской «красной» полицией совместно с органами НКВД в ночь на 21 апреля 1945 года. Уже на следующее утро скованных наручниками попарно «узников Лейно» самолетом вывезли в Москву, а там доставили на Лубянку, откуда начался их многолетний путь по тюрьмам и лагерям. Генерал Добровольский был после следствия приговорен к высшей мере и расстрелян в 1947 году; еще пять узников умерли в заключении» [7].

⁵ 2-й том воспоминаний П.П. Семенова-Тян-Шанского (*Семенов-Тян-Шанский П.П.* Мемуары. 1-е изд., просмотр. Л.С. Бергом. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1946. Т. 2: Путешествие в Тянь-Шань: В 1856–1857 гг. / со вступ. ст. Н.Г. Фрадкина. 256 с.) был издан вскоре после войны по инициативе и под редакцией академика Л.С. Берга, бывшего в это время президентом Географического общества. При издании текст подвергся мелочному «политическому» редактированию; этот текст (вместе с опечатками) воспроизводился во всех последующих изданиях. Полный текст (в котором опущенные фрагменты выделены курсивом) опубликован только в 2019 г. при переиздании полного корпуса мемуаров Петра Петровича [9]. В примечания к 1-му тому мемуаров [9, т. 1] вошли и дополнения, присланные Валерием Петровичем и сохранившиеся в архиве Географического общества.

⁶ Во время блокады Ленинграда умерли трое братьев Валерия Петровича — Андрей (1866–1942), Вениамин (1870–1942) и Измаил (1874–1942) и его племянники М.Д. Семенов-Тян-Шанский (1882–1942) и С.И. Семенов-Тян-Шанский (1909–1942); его внучатый племянник К.Р. Семенов-Тян-Шанский (1910–1942) был убит в марте 1942 г. на Волховском фронте.

⁷ Воспоминания Валерия Петровича остаются неопубликованными.

<30>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому

23 июля 1952 г.

Дорогой, родной Валерий Петрович, не дивитесь моему молчанию. Я непрерывно, тяжело, сложно болен. Да сохранит Вас Бог от старости, подобной моей. Пытались мы с женой, — она ведь тоже стара и больна, — прочитать Вашу рукопись — и не могли — так ослабело и ее, и мое зрение. У меня хранится книга (какая прекрасная!) Вашей сестры («Жизнь Ивана») — я на днях ее вышлю Вам.

Обнимаю вас с большой, неизменной любовью. Ваш Ив. Бунин.

<31>

*В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину**10 сентября 1952 г. Гельсингфорс*

Дорогой Иван Алексеевич,

Ваше письмо от 23 июля давно получил. Его мне переслали с городской квартиры на дачу, где мы с женой проводили июль и август. Душою с Вами в Ваших страданиях, вполне понимая их тягость. Не знал, что и здоровье супруги Вашей тоже не такое, как было бы желательно. Все мы, конечно, уже стары. Правда, жена моя много моложе меня, но, к сожалению, и ее здоровье очень пошатнулось за последнее время. Только недавно удалось точно установить, что у нее уже 6 лет, как камни в желчном пузыре. Теперь ей в самом близком времени предстоит операция удаления всего желчного пузыря. Без него люди могут жить, и теперь этого рода операции постоянно производятся. Оба мы очень надеемся, что после операции ее здоровье восстановится. За моей старостью (я ведь Вам ровесник) жена в моей семье является большой движущей силой, в особенности необходимой в наших скудных и незavidных условиях жизни. На свое здоровье мне было бы грешно жаловаться, но возраст берет свое. То поясница, то голова побаливает, слух ослаб. К счастью, зрение не сдает, а оно мне необходимо при занятии живописью, также и руки не трясутся. Но все же вижу, что почерк мой стал менее разборчивым, так что Вы не могли прочесть моей рукописи. У Вас же почерк до сих пор очень четкий. Не помню сейчас, какая это была рукопись. Если Вы будете возвращать мне книжку моей сестры «Жизнь Ивана», может быть, возвратите и рукопись. Я постараюсь послать Вам ее переписанную на машинке. Последнее время я немного занимался литературой, писал, между прочим, «Страницы семейной хроники», но боюсь, что не удастся оставить их после себя в законченном и цельном виде. Только первые главы у меня написаны окончательно. Они обнимают времена (для меня доисторические) в нашей семье или, скорее, роду. Одну из этих глав, говорящей об истории наших родных мест, я хотел бы послать Вам на прочтение, но не знаю, насколько это осуществимо. Там я говорю о своих предках по женской линии — Буниных. К первой главе своей хроники я поставил эпиграфом Ваши слова: «Там даль и мгла — туманно-синий миф». Я так люблю не только Вашу прозу, но и Ваши стихи, что часто цитирую их и в других своих работах: Вашими стихами так много сказано в такой ясно сжатой форме! Приходится очень пожалеть, что в свое время Вы оставили стихотворство. В частности, жалею, что в последнем издании Ваших стихов Вы исключили, кажется, стихотворение «Ночь». Читал Ваши рассказы «Темные аллеи»,

подвергавшиеся всяческой критике и злословию, включая наименование их порнографией и сравнение с Зола и Мопассаном. Хотя я нахожу некоторые рассказы излишне реалистическими, но цинизма никакого в них не вижу, а напротив вижу человечность многих Ваших образов и Вашего человеческого отношения к изображаемым личностям. А это именно то, что требуется прежде всего от истинного художника. По совести говоря, за отсутствие человечности и цинизм я не люблю Зола и выше него ставлю Мопассана.

До меня доходили слухи, что Вас как-то навещал мой троюродный брат Михаил Николаевич Семенов, которого Вы, кажется, знали по книгоиздательству «Скорпион»¹. Он, несмотря на многие недостатки, человек талантливый, но не способный ни на какую постоянную деятельность и работу. Написал он свои воспоминания, которые частично печатались в одной из русских газет во Франции². Я читал даже и его некоторые рукописи. Но то, что он называет воспоминаниями, в сущности, литературный монтаж, как теперь принято называть подобные писания. Есть в этом монтаже и правда, но есть много вымыслов или фантазии, так что это его призведение никак не назовешь семейной хроникой. В своих «Страницах» я тоже говорю о предках и родных Михаила Николаевича. Мои сведения не всегда совпадают с тем, что он пишет. Впрочем, отдаю должное теплым отзывам Михаила Николаевича о моем отце и нашей семье. С семьей Михаила Николаевича — его женой, рожденной Поляковой, и их дочерьми мы с женой очень дружны. Они живут в Швеции, и мы с ними в переписке. А два года назад мы навещали их в Стокгольме, и жена моя провела у них целый месяц, пока я ездил в Англию к моей дочери от моего первого брака.

Зная Ваше болезненное состояние, не могу просить Вас писать мне, но все же очень хотелось бы получить от Вас хотя бы самые короткие вести. Почтительный привет Вашей супруге.

Обнимаю Вас сердечно и желаю возможных сил душевных и телесных.

Искренне Ваш

Валерий Семенов-Тянь-Шанский.

¹ О М.Н. Семенове (1873–1952) см. его воспоминания [14]. Использование биографических легенд, контаминаций и пр. чрезвычайно характерно для этих авантюрных воспоминаний. С 1912 г. М.Н. Семенов жил в Италии в разезде с женой и больше не возвращался в Россию. Его жена с дочерьми жила с начала 1920-х гг. в эмиграции в Швеции.

² Отрывки из воспоминаний М.Н. Семенова печатались со значительными сокращениями в газете «Русская Мысль». См.: *Семенов М.Н.* На бездорожье. Воспоминания молодости // Русская мысль. 1950. №№ 206–253, 19 января – 28 июня.

27 сентября 1952 года.

Дорогой Валерий Петрович,
 Давно хотел написать Вам, да так все время слаб, болен,
 в последнее время лежал в гриппе, что не хватало сил. Сейчас
 пишу Вам относительно воспоминаний Вашего знаменитого отца: что
 с ними? Может быть, в России они изданы без Вашего спроса?
 Позволяю себе посоветовать Вам издать хотя бы некоторую часть их,
 --если это для Вас возможно, -- в Нью-Йорке, в Издательстве имени
 Чехова. Адрес этого издательства

На этом и кончаю, даже и диктовать мне очень трудно от астмы.
 Если бы это дело вышло, Вы получили бы очень хорошие гонорары
 от тысячи до полутора тысячи долларов.
 Сердечно обнимаю Вас, желаю доброго здоровья и всего лучшего.

Ваш И.А. Бунин

Печатается это И.А. по
 повелению, акад. правит
 самю. Это же доллар! Ну
 да! Я покорился.

"Мирт Певана" скоро выйдет
 Вам. Не надоесть читать?

Машинописная копия письма И.А. Бунина от 27 сентября 1952 г.

с припиской его рукой

(Фотокопия из личного архива М. Гейна).

Typescript of I.A. Bunin's letter dated September 27, 1952 with his handwritten note

(Photocopy from the personal archive of M. Gane).

<32>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тянь-Шанскому

27 сентября 1952 года

Дорогой Валерий Петрович,

Давно хотел написать Вам, но так все время слаб, болен, в по-
 следнее время лежал в гриппе, что не хватало сил. Сейчас пишу Вам
 относительно воспоминаний Вашего знаменитого отца: что с ними?
 Может быть, в России они изданы без Вашего спроса? Позволяю
 себе посоветовать Вам издать хотя бы некоторую часть их — если
 это для Вас возможно — в Нью-Йорке, в Издательстве имени Чехова.
 Адрес этого издательства прилагаю.

На этом и кончаю, даже диктовать мне очень трудно от астмы. Если бы это дело вышло, Вы получили бы очень хороший гонорар — *от тысячи до полутора тысяч долларов*.

Сердечно обнимаю Вас, желаю доброго, здоровья и всего лучшего.

Ваш Ив. Бунин.

Печатает это и<здательст>во по новому окаянному правописанию. Что ж делать! Нужда! Я покорился¹.

«Жизнь Ивана» скоро вышлю Вам. Все надеюсь написать о Вашей прекрасной, чудесной сестре. Я вообще медленно погибаю.

¹ По поводу острого конфликта между И.А. Буниним и Издательством им. Чехова в связи с его отказом печатать книги Бунина по старой орфографии см.: [1].

<33>

И.А. Бунин — В.П. Семенов-Тянь-Шанскому

28 октября 1951 <или 1952 ?> года, 1, Rue Offenbach, Париж, 16

Дорогой родной Валерий Петрович,

Я уже давно получил Ваше письмо и Вашу рукопись, но как раз в эти дни астма так замучила меня, что мы пригласили знаменитого французского врача, и он сразу свалил меня с ног, предписав мне пить и в то же время делать уколы жидкости йода с серой, я от этого чуть не умер, лежал несколько дней почти без памяти, потом мы пригласили его еще раз, и тут я подвергся новому лечению, вот только нынче сел в постели и пишу Вам. Как только, Бог даст, окрепну, напишу как следует, а пока сердечно обнимаю Вас и желаю здоровья.

Ваш Ив. Бунин.

<34>

В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину

4 ноября 1952 года

Дорогой Иван Алексеевич, по получении Вашего письма от 27 сентября я воспользовался Вашим добрым советом и написал в Издательство имени Чехова предложение об издании мемуаров отца (в четырех томах). Копию моего письма прилагаю, так же, как и копию полученного уже ответа Издательства на мое предложение¹. Единственный экземпляр всех четырех томов, которым я располагаю, принадлежит моей дочери, живущей в Лондоне². Я написал ей просьбу послать пока т. 1 («Детство и юность»). Но печатать прямо с первого тома нельзя, так как имеются «примечания издателей»,

в настоящее время несколько устаревшие, которые должны быть мною частью дополнены, частью изменены в связи с новыми документами, находящимися теперь в моем распоряжении, например, опубликованными в СССР материалами о декабристах, а также моими личными расследованиями, произведенными после выхода в свет первого и других томов. Наконец, если бы Издательство нашло возможность печатать с сокращениями, то единственно я мог бы сделать эти сокращения. Сообщу Вам о дальнейшем ходе переговоров. А пока приношу Вам, дорогой Иван Алексеевич, мою глубокую искреннюю благодарность за то, что Вы, несмотря на свой недуг и заботы, подумали обо мне и пришли на помощь добрым советом. В этом сказалась Вам присущая человечность, которую я всегда в Вас высоко ценил и ценю. Очень буду рад, если Вы напишете что-нибудь о моей покойной сестре.

Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет Вашей супруге.

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

¹ Данное письмо в архиве В.П. Семенова-Тян-Шанского не сохранилось.

² Изданы перед революцией были только 3 тома: Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского. Пг.: Изд. семьи, 1915–1917. Т. 1: Детство и юность (1827–1855 гг.); Т. 3: Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 гг.) в воспоминаниях бывшего чл.-эксперта и зав. делами редакционных комиссий; Т. 4: Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 гг.) в воспоминаниях бывшего чл.-эксперта и зав. делами редакционных комиссий.

<35>

*И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
2 декабря 1952 г. 1, rue Jacques Offenbach Paris 16*

Дорогой родной Валерий Петрович,

Простите, что не отвечал вовремя на Ваше письмо от 12 сентября. Виноват, но без вины. Был особенно болен — в нелепом положении. Вы знаете, как страдаю я от астмы, от удушья, но я мог спастись в некоторой степени, принимая всяческие антиастматические лекарства, которые расширяют сосуды; но вот случилось то, что принимать я их не мог весьма долго, ибо вдруг возвратилось то, чему я был подвержен периодически лет с 35: геморрой, многодневные и страшно обильные потери крови, во время которых, конечно, никак нельзя расширять сосуды. И уж как ослабел я за это время! И сейчас еще лежу в постели — и пишу полулежа на этой скверной бумаге из тетради! Простите же мне, повторяю, мое молчание и напишите, пожалуйста, как прошла операция Вашей супруги, которой будьте добры передать мой почтительный поклон и пожелание здоровья

полного. Напишите о том, как Ваше дело с издательством имени Чехова в Нью-Йорке. Взяло ли оно воспоминания Вашего батюшки и если да, то в каких размерах? Между нами говоря, это издательство издало и все еще издает великое множество чорт знает чего. Так что я не уверен, что оно взяло все, что Вы ему предлагали, и когда будет печатать взятое. Очень меня интересует и то, как идет писание Ваших «Страниц семейной хроники». Дай Бог Вам сил на эту работу. Как только окрепну немного, пошлю Вам Вашу рукопись для переписки ее на машинке и «Жизнь Ивана».

Благодарю Вас за честь, оказанную мне Вами в том, что Вы поставили эпиграф в своем новом произведении строчку из моих стихов. Благодарю за то, что пишете мне о моих «Темных аллеях». — Это моя лучшая книга во многих отношениях.

Михаила Николаевича Семенова я встречал иногда в незапамятные времена в Москве. Видел однажды в Риме (кажется, в 1938 г.). Да, человек он бойких способностей, но его «Воспоминания»... — тут много всяких «но» должно поставить¹.

Обнимаю Вас, дорогой, родной, с неизменной любовью! Ваш Иван Бунин.

P.S. Потеря крови благотворна, но не в такой старости, как моя. В другие годы она дает долголетие. И не даром была она у Будды, у Толстого, верно, была и у Вашего батюшки. А может, и у Вас.

¹ В 1950–1951 гг. И.А. Бунин обменялся с М.Н. Семеновым несколькими письмами. См.: [10].

<36>

В.П. Семенов-Тянь-Шанский — И.А. Бунину

2 марта 1953 года

Дорогой родной Иван Алексеевич, до сих пор не удосужился ответить Вам на дорогое для меня письмо Ваше от 2 декабря 1952 года. Последняя причина тому была схваченная мной инфлюэнца, продержавшая меня в постели почти две недели. Как сейчас Ваше здоровье и самочувствие? Буду рад иметь известие о Вас и Вашей супруге. От Чеховского издательства не имею еще окончательного ответа и не жду его в очень скором времени, так как оно меня предупреждало, что надо ждать очереди¹. Свои «Страницы семейной хроники» пишу понемножку, но нерегулярно и не в хронологическом порядке: записываю, что вспоминается. Потом обрабатываю в более связную стилистическую и логическую форму. Но приходится признаться, что при моем возрасте взял себе задачу трудновыполнимую. В общем, я

написал около десяти глав из, вероятно, двадцати предположенных. Не в одном только случае пользуюсь цитатами из Ваших произведений. По поводу высказанного мною о Ваших «Темных аллеях» прибавлю, что, по-моему, художники слова, зрения и слуха (писатели, живописцы, скульпторы, архитекторы, музыканты), служа красоте видимого внешнего мира, должны служить и красоте мира невидимого, духовного, внутреннего, то есть в создаваемых ими образах, отыскивать и передавать отражения, отблески, лучи этого духовного мира. Только в этом случае произведения таких художников могут быть названы действительно художественными, произведениями истинного, неподдельного искусства. Теперь об этом все более и более забывается. В Вашем же искусстве это чувствуется в каждой строчке.

Мой троюродный брат Михаил Николаевич Семенов в декабре 52-го года скончался от рака в Неаполе, умер христианином, хотя прежде относился к религии отрицательно. Причиной тому было, вероятно, полное отсутствие у него с детства какого бы то ни было культурного воспитания, в чем он и признавался сам в своих воспоминаниях.

Геморроем я страдал и страдаю в малой степени, но у меня никогда не было большого давления крови, даже скорее наоборот. Поэтому и вообще никогда не было большой потери крови. Но, конечно, возраст свое берет, и приходится отказываться иногда от свойственной мне большой подвижности. Хотел переписать на машинке и прислать Вам третью главу своих «Страниц», где я говорю о своих предках, рязанских Буниных. Но сейчас это не удалось, так как только случайно дома находится машинка, и я не знаю, сколько дней смогу я ею пользоваться. Посылаю Вам давно написанный мной маленький рассказ-быль. Быть может, он несколько наивен и сентиментален. Жена моя после операции покрепла. Прошло с операции уже 5 месяцев, доктора же говорят, что пациенты обыкновенно поправляются в этих случаях через полгода. К сожалению, нелегкие условия жизни, а подчас даже и тяжелые, не очень содействуют укреплению здоровья. А тут еще моя болезнь, с прибавкой еще болезни моей свояченицы, всей тяжестью легли на мою жену. Надо удивляться ее силе воли и сознанию своего христианского долга, с которым она несла свои обязанности хозяйки дома.

Жена Вам и Вашей супруге шлет привет. Я сердечно Вас обнимаю, целую руку Вашей супруге и желаю душевной бодрости. Ваш В. Семенов Тянь-Шанский.

¹ Воспоминания П.П. Семенова-Тянь-Шанского в издательстве им. Чехова в итоге так и не были опубликованы.

В.П. Семенов-Тянь-Шанский. 1965

© Фонд наследия П.П. Семенова-Тянь-Шанского

V.P. Semenov-Tyan-Shansky 1965

© P.P. Semenov-Tyan-Shansky Heritage Foundation

<37>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тянь-Шанскому

3 июля 1953 г.

Дорогой Валерий Петрович, во время войны пять лет мы жили в Grass'е на Французской Ривьере, и нашу парижскую квартиру занимал некто Граф со своим семейством и топил свою печурку в столовой ломаными стульями и книгами нашими. Так что только случайно уцелела, слава Богу, хотя и без обложки, книга Вашей покойной сестры «Жизнь Ивана». Я, наконец, собрался послать Вам ее вчера заказной бандеролью. Простите, что так поздно собрался. Собраться сделать что-нибудь для меня теперь очень трудно. Я все слабею и слабею, все лежу в постели (вот и сейчас пишу полусидя в ней). Задыхаюсь от астмы все сильнее, волю теряю все больше... Как Вас Бог милует, как здоровье, что делаете? Взяло ли издательство имени Чехова, издававшее столько чорт знает чего, хоть часть из воспоминаний Вашего батюшки? Шлю Вам свой портрет средних лет. Старческого у меня нет, да я бы и не послал его. Пожалуйста, пришлите мне свой, какой Вам угодно. Заранее благодарю и сердечно обнимаю Вас.

Ваш Ив. Бунин.

<38>

*И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
20 августа 1953 г.*

Дорогой родной Валерий Петрович, давно-давно нет от Вас ни слова. Очень беспокоюсь. Здоровы ли Вы? Получили ли «Жизнь Ивана», которую послал Вам очень давно заказной бандеролью? Отзовитесь возможно скорее. Что до меня, то я просто погибаю от старческой слабости, от астмы, которая теперь просто не дает мне ни отдыха ни сроку. Неужели «Издательство имени Чехова» в Нью-Йорке не взяло ничего из воспоминаний П.П.? Обнимаю Вас сердечно.

Ваш Ив. Бунин.

<39>

*В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину¹
1 сентября 1953 г.*

Дорогой Иван Алексеевич,

Прочел с большим интересом Вашу книжку «Освобождение Толстого». Хотелось бы обменяться некоторыми мыслями с Вами по поводу этой книжки и по поводу самого Льва Николаевича Толстого. Откровенно сознаюсь, что я принадлежал (и до сих пор принадлежу) к числу тех русских людей, которые чтут в нем великого художника, великого писателя, но которые все же критически относятся к его философским рассуждениям и попыткам создать свое нравственное учение. Иначе сказать, я не могу преклоняться перед Толстым, который хочет быть учителем или воспитателем-моралистом. Когда-то бывший в дружбе с Толстым мой двоюродный брат, профессор Николай Яковлевич Грот, кажется, в журнале «Вопросы философии и психологии» сказал, что учение Толстого имеет успех благодаря обаянию его личности; когда Лев Николаевич уйдет от нас, и учение его быстро падет. Думаю, что Н. Грот был отчасти прав, предсказывая это.

Никакой писатель, философ, ученый не свободен от противоречий. Есть они и у Вас; в Ваших воспоминаниях Вы указываете на противоречия А.П. Чехова (например, в вопросе веры в бессмертие души). Но ни у кого из больших и великих русских писателей я не чувствовал и не видел такого количества противоречий, как у Толстого. Когда-то, еще в России, у меня была тетрадка (увы, погибшая, вероятно), где я, читая Толстого, записывал замечаемые мною противоречия. Замечу, что я знаю не всего Толстого, что я далеко не всего Толстого читал, и все же противоречий отметил массу.

В отношении понимания Толстым и его последователями Евангелия я могу отметить лишь, что он брал из него то, что ему подходит для подтверждения его личных религиозных воззрений, и проходил мимо многого, что было ему неинтересно.

Мой племянник, Леонид Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский, убитый большевиками, одно время увлекался толстовским учением, но впоследствии увидел многие его отрицательные стороны и вернулся в православную церковь². И таких «последователей» Толстого было очень немалое число. Думаю, что все дело тут в том, что православная церковь, несмотря на многие ее недочеты и недостатки, все же *соборна*. Толстой же, не будучи сторонником индивидуализма в вере, т. е. стараясь распространить *свое* понимание христианства и нетерпимо относясь к лицам, с ним в вопросах веры несогласным, отрицает соборность христианской церкви. Когда Толстой был отлучен от православной церкви (в феврале 1901 года) мы, молодые по сравнению с моим отцом (почти одного возраста с Толстым), возмущались этим актом. На это отец сказал нам: со *своей* точки зрения они (то есть Св. Синод) правы: Толстой сам себя исключил (отлучил) из православной церкви.

После разговора со мною, когда я высказал отцу, что в таком случае надо было в постановлении Синода сказать более мягко и просто, что русская православная церковь более не считает Толстого своим членом и потому не допускает духовенство до совершения над ним церковных обрядов, но допускает возношение о нем и его заблуждениях молитв к Богу, так как ведь молиться всякий христианин может и не за православных. На это отец ответил: «Ты прав в отношении того, что форма постановления Синода должна была быть другою, хотя Синод и не предал Толстого анафеме, как делалось в давние времена...».

¹ Черновик неотправленного незаконченного письма.

² О Леониде Семенове см.: [2].

<40>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — В.Н. Буниной
6 января 1956 г. Гельсингфорс

Многоуважаемая и дорогая Вера Николаевна,

Мой племянник отец Александр недавно написал мне, что Вы спрашивали его обо мне, старике, которому исполнилось уже 84 года. Я очень виноват, что в свое время ничего не написал Вам по поводу

кончины Ивана Алексеевича, которого очень любил и ценил, как человека, близкого мне по духу, возрасту и крови, как большого русского писателя и поэта. За год до кончины Ивана Алексеевича моя жена перенесла тяжелую операцию, после которой здоровье ее крайне медленно восстанавливалось, и только спустя два года она стала снова работоспособной. При таких условиях мне было очень трудно быть аккуратным в своей корреспонденции, да и мое здоровье, в общем, очень прочное, с годами, конечно, не улучшается, а идет на убыль. В последние месяцы минувшего года мы с женой много читали, прочли, конечно, и посмертную книгу Ивана Алексеевича о Чехове¹. Она доставила нам истинное наслаждение. Все же, должен сказать откровенно, что я лично всегда ставил и ставлю Ивана Алексеевича много выше Чехова. Духовно покойный Ваш муж всегда был мне ближе и как человек, и как художник. Рядом с более религиозным мировоззрением, которого не чувствуется в чеховском творчестве, у Ивана Алексеевича был прекрасный дар творчества, художественно-поэтического (даже в прозе), более широкий охват (философский) духовной стороны человеческой природы. Возьму для примера и сравнение хотя бы путешествия его на Восток (путевые поэмы — «Храм солнца» и др.) и путь Чехова в обратном направлении с Сахалина на Родину, частью тот же, что совершил Иван Алексеевич. То, что дали в литературе Ивана Алексеевича и Чехов, — величины несравнимы. По культуре Иван Алексеевич был гораздо глубже Чехова. Природу и Божий Мир он любил проникновеннее, теплее и шире Чехова. Среди стихов и прозы Ивана Алексеевича есть вещи поистине бессмертные, которые будут жить в веках — настолько они выше времени, выше преходящих явлений человеческой жизни.

Я очень ценил переписку Ивана Алексеевича со мною и тщательно хранил его ко мне письма. Но здесь, в Финляндии, живем мы не совсем спокойно из-за близкого соседства с нашей бывшей Родиной, где отсутствует прежде всего человечность, которая была так присуща Ивану Алексеевичу и выражалась почти в каждой строчке его творчества. Тщательно взвесив наше положение, я решил поместить все письма ко мне Ивана Алексеевича (около 20) в более надежное место и избрал для этого архив Русского института при Колумбийском университете в Америке (Нью-Йорк), куда и передал всю нашу переписку на хранение. Оставил себе копии его писем и послал, какие у меня были черновики моих к нему писем. Но многие письма я писал прямо начисто. Зная, какая масса корреспонденции получалась Иваном Алексеевичем, я не думал, чтобы сохранились

мои к нему письма, но если бы это оказалось так, то не согласитесь ли бы Вы их передать отцу Александру. В таком случае я присоединил бы их или копии с них к письмам Ивана Алексеевича. Тогда наша переписка была бы полнее и понятнее.

Вместе с пожеланиями Вам здоровья и душевной бодрости в наступающем году, прошу Вас принять самые искренние мои чувства глубокого моего уважения и преданности.

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

¹ Бунин И.А. О Чехове. Незаконченная рукопись / предисл. М.А. Алданова. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 415 с.

<41>

*В.Н. Бунина — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
Париж, 30 января 1956 г.*

Многоуважаемый Валерий Петрович, сердечно благодарю Вас за Ваше письмо и за слова об Иване Алексеевиче, очень справедливые. Сама я, однако, избегаю, говоря о писателях, композиторах и художниках, определять, кто из них выше, кто ниже. Ведь их ценность зависит от тех, кто судит их. Я сравниваю писателей с драгоценными камнями. Важно, чтобы как камень, так и писатели были настоящими, а не из магазина Тэта¹. Важно уметь различать настоящее от поддельного. Ведь одному нравится рубин, другому сапфир, третьему изумруд. В последние месяцы жизни Иван Алексеевич очень часто, говоря о Чехове, сравнивал его произведения со своими.

— Нет, «Скучной истории» я не написал бы, да еще моложе 30 лет. Не написал бы и «Палаты номер шесть».

Зато Антон Павлович не написал «Воды многие», «Братья», «Господина из Сан-Франциско» или «Сны Чанга». А поэт он на редкость тонкий! И как немногие ценили его за это.

Конечно, Вам ближе Бунин, чем Чехов.

Вашу просьбу о передаче Ваших писем отцу Александру исполню так: передам ему копии с них. Со своей стороны очень мне хотелось бы иметь и копии с писем Ивана Алексеевича.

Если Вы согласитесь на мою просьбу, то я попрошу А.В. Бахраха зайти к Вам и снять копии — он живет в Гельсингфорсе и не откажет мне в этой услуге.

Желаю Вам и жене Вашей здоровья и душевного покоя.

С сердечным приветом

Уважающая Вас В. Бунина.

¹ «Бриллианты ТЭТа» — сеть магазинов, торговавших в предреволюционные годы имитациями драгоценных камней.

<42>

*В.П. Семенов-Тян-Шанский — В.Н. Буниной
6 февраля 1956 г.*

Глубокоуважаемая и дорогая Вера Николаевна,

Спасибо Вам большое за Ваше сердечное письмо. Очень разделяю Ваше сравнение художников во всех областях искусства с драгоценными камнями. Конечно, и для меня важнее всего, чтобы они были настоящими, а не подделками. Но ведь среди настоящих драгоценных камней есть более ценные и менее ценные. Есть даже и помеси, например, рубин-сапфир, есть изумруды и аквамарины и т. д. Наконец, теперь даже и настоящие камни есть естественные и плавленые. Есть даже настоящие, но искусственно выведенные жемчужины, которые отличаются от естественно образовавшихся; однако для особых специалистов не составляет большого труда отличить их от естественно образовавшихся. В области искусства отличить настоящего художника от поддельного может лишь человек большой культуры, так же, как ее нужно иметь каждому настоящему художнику. Я, конечно, в ближайшее время исполню Ваше желание иметь копии писем Ивана Алексеевича. Не стоит беспокоить с этим А.В. Бахраха — я пришлю их переписанными на машинке, т. к. у меня есть знакомая почтенная дама, которая с удовольствием перепишет их. Пришлю их Вам также через отца Александра. Жена моя очень благодарна Вам за привет и шлет Вам свой. Мы с ней очень ждем сюда мою дочь из Англии с мужем и сыном. Они предполагают навестить нас в мае. Благодарю Вас за согласие прислать мне копии моих писем к Ивану Алексеевичу.

Искренне и глубоко уважающий Вас,
Валерий Семенов-Тян-Шанский.

<43>

*В.П. Семенов-Тян-Шанский — В.Н. Буниной
18 апреля 1956 г.*

Глубокоуважаемая и дорогая Вера Николаевна, Посылаю Вам при этом копии писем ко мне покойного Ивана Алексеевича. Был бы Вам очень признателен, если бы Вы могли прислать мне копии моих к нему писем, именно тех, черновиков, которые у меня не сохранились, и сообщаю Вам список тех моих писем, которые у меня в черновиках сохранились. Надеюсь, что Вы здоровы и перенесли благополучно все перипетии нынешней холодной зимы. У нас до сих пор снег идет чуть ли не ежедневно, и мы ждем прихода весны

разве в июне месяце. В конце мая жду сюда мою дочь из Англии с мужем, одним из сыновей и бывшей ее гувернанткой англичанкой. Я не видел дочери 6 лет.

Целую Вашу руку и желаю Вам от души возможных в нашем возрасте благ.

Искренне Вас уважающий и преданный

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

<44>

В.Н. Бунина — В.П. Семенову-Тян-Шанскому

Париж. 9 мая 1956 г.

Христос Воскресе.

Дорогой и многоуважаемый Валерий Петрович,

Поздравляю Вас со светлым праздником, желаю Вам и Вашей жене здоровья, радости и всяческих успехов. Спасибо за присланные письма. Простите, что не сразу поблагодарила. Очень устала за Великий пост и особенно за Страстную неделю. Я кое-какие письма Ваши переписала, но еще не собралась отослать по этой же причине.

Мне много приходится стучать на машине, и я очень утомляюсь. Надеюсь, что скоро освобожусь от срочной работы и тогда пришло переписанные и отыщу более ранние Ваши письма.

Святую ночь я провела на кладбище, пока не началась заутреня. Я сидела у могилы нашей; близкие люди ставят на своих могилах свечи, что производит очень трогательное впечатление. Ивану Алексеевичу я поставила толстую свечу, а друзьям, лежащим на этом кладбище, более тонкие. Потом отстояла заутреню, затем поехала в церковь, которая находится в Ванве, где был Зуров¹, писатель, который живет с нами уже более 20 лет. Оттуда после обедни мы приехали домой, а утром я пошла в свою церковь, отстояла пасхальную обедню и причастилась. Затем кое-кто пришел в первый день, а затем на второй, вчера же мы ездили к моим родственникам Барановым², которые живут за городом. Все уже распустилось. У них прекрасное только что купленное поместье. Они оба инженеры. Он особенно талантлив и уже занял большое положение во всем инженерном мире. Она дочь философа Шестова и моей двоюродной тетки, тоже очень серьезная и способная женщина. Конечно, они французы и решили поехать в Москву, где живет его мать, с туристической группой. Интересно будет послушать их рассказы.

Сегодня я посвятила день неотвеченным письмам. Написала уже несколько, и еще остается порядочно. Придется и завтра отдать день на это занятие.

Бываю на религиозных собеседованиях, которые ведет Ваш племянник, о. Александр. Его увижу только в следующий вторник. Он очень талантливо и интересно руководит нашими беседами. Особенно когда он сам говорит. Книга его об Иоанне Кронштадтском на редкость интересная книга³. Все от нее в восхищении.

А как Вы провели праздники? Были ли Вы у заутрени? Стало, слава Богу, наконец тепло. Такой зимы, как была в этом году, я не помню. Особенно пострадали растения на юге. Все там померзло. Этот год для Франции очень тяжел. Что делается в Алжире!..⁴

Желаю Вам душевного спокойствия. И заочно троекратно целую Вас и Вашу жену.

С душевным приветом, Вера Бунина.

¹ Леонид Федорович Зуров (1902–1971) — писатель, историк, археолог-любитель. С 1926 г. жил во Франции и близко общался с Буниными. С 1930 года возглавлял «Союз молодых поэтов и писателей», в 1937–1939 гг. был председателем «Объединения молодых русских писателей и поэтов в Париже». В 1952 г., во время тяжелой болезни И.А. Бунина Л.Ф. Зуров ухаживал за больным писателем, а после его смерти в 1953 г. помогал В.Н. Буниной разбирать его архив и готовить произведения к публикации.

² Речь идет о Наталье Львовне Барановой (урожд. Березовской-Шестовой; 1900–1993), дочери философа Льва Шестова, и ее муже В.Н. Баранове (1897–1985), инженер-геофизике.

³ Имеется в виду издание: *Семенов-Тян-Шанский А., свящ.* Отец Иоанн Кронштадтский. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1955. 384 с.

⁴ Во Французском Алжире в это время алжирский Фронт национального освобождения развернул кампанию городского терроризма, вызвавшую серьезную озабоченность французского правительства.

<45>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — В.Н. Буниной

14 мая 1956 г.

Воистину воскрес!

Глубокоуважаемая Вера Николаевна,

Ответно троекратно целуем Вас и шлем самый сердечный привет. Редко приходится получать такие прекрасные письма, как Ваши. За все большое Вам спасибо. С какой радостью, если бы это было для нас возможно, мы приехали бы в Париж, чтобы лично повидаться с Вами и земно поклониться дорогой нам обоим могиле Ивана Алексеевича. Здесь есть тоже обычай, даже у лютеран, зажигать свечи на родных могилах. Делают это здесь и на Рождество, тогда это в темные вечера еще уютнее и красивее. Мы с женой, конечно, также были у заутрени. Наша церковь, покрова Пресвятой Богородицы — небольшая, всего несколько лет тому назад построенная, можно ска-

зять, руками самих прихожан нашей частной православной общины. Здешняя официальная государственная православная церковь давно перешла на новый стиль, из-за этого и образовались две частные общины. К сожалению, мы находимся в юрисдикции Московского Патриархата, но пока что, благодаря такту и осторожности нашего приходского церковного совета, никакого гнета (политического) мы не ощущаем. Одно время нам прислали сюда даже Викарного Епископа. Он был всем очень по душе, прямо святой был человек, но, к сожалению, его отозвали из-за другой, Никольской общины, где идут и до сих пор всякие раздоры, с которыми епископ Михаил не сумел справиться, как ни призывал всех прихожан к миру. Сейчас епископ Михаил — епископ Смоленский и Дорогобужский с некоторыми прихожанами он и сейчас переписывается. Наша Покровская община немногочисленна, 600–700 прихожан, но порядку в ней гораздо больше. Церковь наша содержится образцово, чистота и благолепие прямо удивительные. И это благодаря тому, что у нас есть несколько женщин, которых я называю нелегализованными монахинями. Они ходят в черном с покрытыми черным головами. Две живут при церкви: одна как просвирня и чтица (дьячиха), а другая стоит у свечей и помогает первой. У нас два священника, один из них протоиерей и настоятель, один дьякон, два прислуживающих молодых юношей, имеющих стихари. Хор очень порядочный, из прихожан. Очень хорош у нас церковный староста, преданный делу, отдающий ему свою душу. Хорошая у него и помощница. Основана наша община была еще в Выборге одной очень богомольной женщиной, принявшей постриг и отдавшей свое имущество общине. На ее деньги удалось купить дом с участком земли с садиком и потом, получив ссуду из банка, построить небольшую, примыкающую к дому церковь. Посильное участие в сооружении церкви принял и я: меня просили написать запрестольный образ Божьей Матери. По устройству алтаря надо было его написать на стекле, так как он находится в среднем окне, освещающем алтарь. Величина образа в человеческий рост (даже немного более). Не все мне удалось, как бы я хотел, в частности, в отношении освещения, но это вопрос исправимый, и если этого нельзя осуществить сейчас, то по причинам материальным, пока община еще не погасила полностью банковского долга. Требуется некоторых исправлений и самый лик (в отношении красок). Как-нибудь пришлю Вам фотографию этого образа. Сегодня получил письмо от племянника, о. Александра. Он пишет мне и о Вас. Мы с женою до сих пор работаем, так как без заработка существовать не можем, а мне в этом году исполнится 85 лет! Работа

моя — или живопись, или литература. Все-таки на этом я кое-что зарабатываю. Заботится о нас, стариках, и государство, выплачивая мне небольшую пенсию. Помогают и дети. Ждем мою дочь из Лондона с мужем и сыном. Другой сын служит в Африке, женат, и у него 3,5 месяца назад родилась дочка, моя правнучка.

Вчера от одного нашего прихожанина слышали, что писатель Б.К. Зайцев собирается переиздать в одной книге свои посещения Валаама, Афона и Сергиевской пустыни. Не слыхали ли Вы об этом? Переиздавать будет в Америке. Интересно было бы знать в каком издательстве только, так как Чеховское издательство, насколько я знаю, ликвидируется.

Среди моих писаний, которым я дам общее название «Страницы семейной хроники», есть глава, которую я назвал «Освобождение крестьян в царствование Александра II». Я очень хотел бы выпустить ее отдельной книгой к предстоящему в 1961 году столетию этой реформы¹. Я закидываю удочки по этому поводу в разных местах, но пока, кроме довольно неопределенных обещаний, никаких твердых ответов не имею. Есть у меня и другая глава, которая могла бы быть выпущена отдельной книгой, — «Стезя в искусстве. Воспоминания и размышления»². Тоже ее хотелось бы выпустить в свет. Но все это пока мечты. Из издающегося в Париже журнала «Возрождение» от издателя Гукасова³ я получил предложение написать статью о Великой княжне Татьяне Николаевне и ее Беженском комитете⁴, в котором я состоял членом. Я даже участвовал в его учреждении. У меня были уже некоторые заметки мемуарного характера об этом крупном благотворительном деле во время войны 1914–1918 года. Теперь я уже почти закончил эту статью. Видимо, она появится в июльском номере «Возрождения»⁵. Вы пишете о Ваших родственниках Барановых. Конечно, очень интересно будет услышать об их впечатлениях от Москвы. Здесь многие знакомые уже успели побывать как туристы и в Петербурге, а кто и в Москве. В общем, те, кто раньше был в России, не в восторге от того, что там видели. Давление власти, забитость, приниженность и опасение сказать что-либо, что может быть истолковано властью как ее осуждение — вот впечатление большинства беспристрастных и разумных туристов. Но есть здесь, к сожалению, достаточное число пресмыкающихся и среди эмиграции, которые не хотят видеть того, что там есть на нашей родине, искаженного и извращенного, — и эти люди захлебываются от восторга. Нам здесь, в Финляндии, приходится встречаться с советскими людьми, служащими в разных учреждениях, дипломатических, торговых и прочих. Все эти люди запуган-

ные и забытые, боящиеся и сторонящиеся нас, эмигрантов. У наших друзей Беляевых живет старая их прислуга, простая женщина с большим природным умом, верующая и богомольная. Она часто встречается в лавках на улице с советскими женщинами, такими же простыми, как она. (Они не называются прислугами, но несут такие же обязанности.) И вот эта Маша пригласила прийти к ней на Пасху одну такую советскую женщину. Та ей ответила:

— И рада бы, матушка, всей душой рада была бы разговестись у вас, да не могу.

Один знакомый мне русский (женатый, отец трех детей), по своей «русскости» очень восторженно настроенный, съездил туристом в Москву и Петербург. У него там два брата, на свидание с которыми он очень надеялся. Так эти братья побоялись свидания с ним, и так он с ними и не встретился. Всего, конечно, не перескажешь, даже от того, что лично слышал от туристов, побывавших там. Мне кажется, что самое ужасное там, это неуверенность в завтрашнем дне. То, за что Вас сегодня по головке гладят, завтра обернется так, что Вас направят туда, где Макар телят не гонял.

Очень Вам признателен за Вашу готовность прислать мне копии моих писем Ивану Алексеевичу. Мне очень совестно, что Вы лично трудитесь их переписывать. Я слышал, что Вы составляете биографию Ивана Алексеевича⁶, так что у Вас своя большая работа. Чрезвычайно интересно будет ознакомиться с Вашей работой, когда она выйдет в свет. Оба мы шлем Вам наш самый сердечный привет.

Искренне Вас уважающий и преданный

Валерий Семенов-Тянь-Шанский.

¹ Эта глава в сокращенном виде была опубликована в двух номерах журнала «Возрождение» (Семенов-Тянь-Шанский В.П. Манифест 19 февраля 1861 г. // Возрождение. Париж. 1961. № 110, февраль. С. 48–66; № 111, март. С. 48–66.)

² Глава осталась неопубликованной.

³ Абрам Осипович Гукасов (1872–1969) — нефтепромышленник, геолог, доктор естественных наук, доктор философских наук, меценат, издатель и общественный деятель. В 1924–1925 гг. издавал газету «Вечернее время», затем стал основателем и издателем газеты «Возрождение» (1925–1940). После Второй мировой войны основатель и издатель литературно-политического журнала «Возрождение» (1949–1974).

⁴ Татьянинский комитет — комитет, организованный в сентябре 1914 г. и названный в честь великой княжны Татьяны Николаевны, дочери Николая II, за счет личных средств императора (в дальнейшем получил финансирование из государственного бюджета, а также привлекал средства благотворителей). Первоначально оказывал помощь вдовам погибших на войне и детям солдат, затем — и беженцам (продовольствием, одеждой, предоставлением крова, организацией школ и больниц и пр.). После Февральской революции реорганизован и получил название «Сероссийский комитет помощи пострадавшим от военных действий».

⁵ См.: *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Татьянанский комитет: Великая княжна Татьяна и ее помощь беженцам // *Возрождение*. Париж. 1956. № 55, июль. С. 7–25.

⁶ *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина (1870–1906). Париж: [Б. и.], 1958. 174 с.

<46>

В.Н. Бунина — В.П. Семенову-Тян-Шанскому

Париж, 14 ноября 1956 г.

Многоуважаемый и дорогой Валерий Петрович, надеюсь, что Вы получили копии из Ваших писем. Простите, что я послала их без письма, но октябрь и начало ноября для меня теперь очень тяжелое время, и мне трудно сосредоточиваться. Лето я провела в Швейцарии, часть времени над Тунским озером, потом в качестве платной гостьи у одной приятельницы, а затем гостила у Т.С. Конюс, дочери Рахманинова, в ее прелестном имении¹, где всякое дерево посажено самим Сергеем Васильевичем. Там я прожила 17 дней, более или менее отдохнула. Тишина, комфорт, безлюдие, красота природы, а по вечерам рахманиновская музыка. Редкий отдых. А я ведь 7 лет не отдыхала.

Много сил и времени взял у меня день рождения Ивана Алексеевича, когда я ежегодно приглашаю его друзей и почитателей. В этом году было больше 60 человек. Степун² прислал свои краткие зарисовки Ивана Алексеевича, как и баронесса Врангель³, которая дружила с ним с юности. Племянник Маклакова, сын министра⁴, сказал об Иване Алексеевиче речь «Четыре облика Бунина». Говорил о нем и один поэт, Корвин-Пиотровский⁵, и поэтесса Прегель «Бунин в Одессе»⁶. Было тесно, но всякий имел место за одним из столов (их было один большой и восемь маленьких), тарелку, стакан, вилку и нож. Холодного ужина хватило на всех. Гости были с семи часов вечера до половины двенадцатого. Конечно, я очень устала, так как я весь вечер простояла у буфета, раздавая по тарелкам. Кроме того, я в эти дни всегда очень волнуюсь. А после начались тяжелые воспоминания о последних днях его жизни со мной. 8 ноября в день смерти я ездила на кладбище одна. Прошло три уже года, а кажется, что это так недавно. День выдался редкий. Безоблачное синее небо, полная тишина. Деревья еще зеленые, только березы стояли в своих женственных золотых одеяниях. И везде цветы, цветы, ведь теперь и русские православные ездят к своим могилам 1 ноября⁷. Отслужила панихиду. Во время нее шум пролетавшего низко авиона. 12 ноября его хоронили. И это день смерти моего любимого брата⁸. Прошло 23 года, я же все никак не примирюсь с его смертью. И вот только два дня я стала жить нормальной жизнью. За это время накопилось

много писем. А тут такие события...⁹ Вокруг все волнуются. Я же как-то неестественно спокойна. Надеюсь: «образуется».

Как провели Вы и Ваша жена лето? Отдохнули ли? У нас начнутся только 20 ноября наши религиозные собрания. Один раз о. Александр служил в нашей церкви всенощную и обедню. Вид у него был хороший, вернее, такой же, как и в прошлом году. В минувшее воскресенье я была у Бенуа¹⁰. Мы обменялись Чеховского издательства книгами: я получила его два тома¹¹ и дала ему две книги Ивана Алексеевича¹². Я забыла, каких книг Бунина у Вас нет. Я прислала бы Вам, если Вы хотите.

Простите, что письма Ваши переписаны по новой орфографии, но я не знала, что у переписчицы машинка не имеет ять и с точкой. Я отдала письма перед своим отъездом в Швейцарию. Когда вернулась, все было готово. Осталось только взять и заплатить.

Передайте поклон Вашей супруге. Желаю ей и Вам здоровья и возможных еще радостей.

С сердечным приветом Ваша Вера Бунина.

¹ Татьяна Сергеевна Конюс (урожд. Рахманинова; 1907–1961) — младшая дочь С.В. Рахманинова, близкий друг Буниных. Построенная самим С.В. Рахманиновым в 1930-х гг. вилла Сенар, о которой идет речь, расположена в Хертенштайне (коммуна Веггис) на берегу Фирвальдштетского озера в Швейцарии.

² Федор Августович Степун (1886–1965) — философ, литературный критик, писатель. Друг Буниных.

³ Людмила Сергеевна Врангель, баронесса (урожд. Елпатьевская, в первом браке Кулакова; 1881–1969).

⁴ Юрий (Георгий) Николаевич Маклаков (1892–1969) — профессор кафедры русского языка и литературы католического университета в Лилле.

⁵ Владимир Львович Корвин-Пиотровский (1891–1966) — поэт, прозаик.

⁶ Софья Юльевна Прегель (1897–1972) — поэтесса, мемуаристка, журнальный и общественный деятель.

⁷ Католический праздник — День всех святых, после которого сразу следует День поминовения усопших (2 ноября).

⁸ О смерти брата В.Н. Буниной П.Н. Муромцева см. примеч. 2 к письму <20>.

⁹ Вероятно, имеются в виду политические события осени 1956 г. — Венгерское восстание (29 октября – 10 ноября) и Суэцкий кризис (29 октября – 8 ноября).

¹⁰ Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) — русский художник, арт-критик, один из основателей общества «Мир искусства» и одноименного журнала Серебряного века, писатель.

¹¹ Бенуа А.Н. Жизнь художника. Воспоминания: в 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

¹² Вероятно, речь идет о двух книгах Бунина, подготовленных к печати Верой Николаевной и изданных посмертно: *Бунин И.А. Петлистые уши и другие рассказы*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 384 с.; *Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись / предисл. М.А. Алданова*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 415 с.

Литература

1. *Аболина М.М.* И.А. Бунин, В.Н. Бунина и «Издательство имени Чехова» // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 235–259. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-235-259>
2. *Баевский В.С.* Жизнестроитель и поэт // *Семенов Л.* Стихотворения. Проза / подгот. В.С. Баевский. М.: Наука, 2007. С. 439–502.
3. *Бакунцев А.В.* И.А. Бунин в Прибалтике: Литературное турне 1938 года. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. 156 с.; ил.
4. *Богданов А.А.* Валерий Петрович Семенов-Тян-Шанский. Русский юрист и финский художник // *Богданов А.А., Бородина Т.П., Полян П.М.* Художественное наследие семьи П.П. Семенова-Тян-Шанского: книга-каталог / под ред. М.А. Семенова-Тян-Шанского. Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2024. С. 93–103.
5. *Богданов А.А.* «Цветок белозор» семейства Семеновых-Тян-Шанских // *Богданов А.А., Бородина Т.П., Полян П.М.* Художественное наследие семьи П.П. Семенова-Тян-Шанского: книга-каталог / под ред. М.А. Семенова-Тян-Шанского. Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2024. С. 25–35.
6. Из переписки П.П. Семенова-Тян-Шанского / публикация М.А. Семенова-Тян-Шанского и А.Ю. Заднепровской // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. / отв. ред. Т.С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 316–331.
7. *Иоффе Э.* Слуга двух господ // Звезда. 2010. № 12. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1524> (дата обращения: 14.01.2025).
8. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. 1184 с., ил.
9. Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского: [в 5 т.]. М.: Кучково поле, 2019.
10. Письма И.А. Бунина к М.Н. Семенову 1950–1951 гг. / предисл., публ. и коммент. Л.Г. Голубевой и С.Н. Морозова // Москва. 2004. № 2. С. 217–222.
11. «Письма — больше, чем воспоминания...». Из переписки семьи Семеновых-Тян-Шанских и сестер А.П. и В.П. Шнейдер / сост. М.А. Семенов-Тян-Шанский и А.Ю. Заднепровская. М.: Новый хронограф, 2012. 680 с.
12. Российский зарубежный съезд, 1926. Париж: Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. 848 с. (ИНРИ. Серия «Исследования новейшей русской истории». Вып. 6)
13. *Семенов-Тян-Шанский В.П.* То, что прошло: в 2 т. М.: Новый хронограф, 2009.
14. *Семенов М.Н.* Вакх и Сирены / сост., подгот. текста, пер. с итальянского, коммент. и вступ. ст. В.И. Кейдана. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 674 с.

Correspondence Between Valery Semenov-Tyan-Shansky and Ivan and Vera Bunins

*Introductory article, text preparation, and notes
by Mikhail Semenov-Tyan-Shansky*

© 2025. Mikhail A. Semenov-Tyan-Shansky
Independent Researcher,
St. Petersburg, Russia

Abstract: For the first time, the article publishes the correspondence between Ivan Bunin and Valery Petrovich Semenov-Tyan-Shansky (1871–1968). Semenov-Tyan-Shansky was a lawyer, statesman, memoirist, artist, and a prominent representative of the first wave of Russian emigration. His correspondence with Ivan Bunin spans the period from 1926 to 1953. It is supplemented by the correspondence between Semenov-Tyan-Shansky and Vera Bunina after Ivan Bunin's death. The correspondence contains important biographical material about Bunin, the Semenov-Tyan-Shansky family, and the history of the Russian diaspora. The publication of the correspondence relies on previously unpublished materials from the family archive. The correspondence with Semenov-Tyan-Shansky served Bunin as a source of information that found its way into his memoir essay "The Semenovs and the Bunins." One of the important themes of the correspondence concerns the fate and creative legacy of Valery Petrovich's elder sister, Olga Petrovna Semenova, and her posthumously published book *The Life of Ivan*. Bunin's intention, to which he returned several times in his letters, to write about Olga Petrovna, remained unrealized. A significant episode in the correspondence is connected with the preparation of a lecture on Bunin's work that Valery Petrovich delivered in the spring of 1932 at the request of the Russian Academic Union in Finland. In response to the request for help in preparing the lecture, Bunin sent Semenov-Tyan-Shansky a bundle of reviews selected by Vera Bunina. The lecture was delivered in June 1933 and then repeated in December 1933, already after Bunin had been awarded the Nobel Prize. The text of the lecture received high praise from Bunin himself, who responded to its receipt with a warm letter. The lecture was not published (except a short summary appeared in the journal *Sodruzhestvo*, published in Vyborg with the participation of Semenov-Tyan-Shansky). The text of the lecture has been prepared for publication and will appear separately in one of the next issues of *Literary Fact*.

Keywords: Valery Semenov-Tyan-Shansky, Ivan Bunin, Vera Bunina, Chekhov Publishing House, Russian diaspora, publishing activity, writer's archive.

Information about the author: Mikhail A. Semenov-Tian-Shansky, Independent Researcher, DSc of Physical and Mathematical Sciences, Cultural Historian specializing in 19th–20th-century Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: semenov@pdmi.ras.ru

For citation: "Correspondence Between Valery Semenov-Tyan-Shansky and Ivan and Vera Bunins," introd. article, text prep., and notes by M.A. Se-

menov-Tyan-Shansky, *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 87–156. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-87-156>

References

1. Abolina, M.M. “I.A. Bunin, V.N. Bunina i ‘Izdatel’stvo imeni Chekhova.’” [“I.A. Bunin, V.N. Bunina, and the Chekhov Publishing House”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 235–259. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-235-259> (In Russ.)
2. Baevskii, V.S. “Zhiznestroitel’ i poet” [“Life-Builder and Poet”]. Semenov, L. *Stikhotvoreniia. Proza [Poems. Prose]*, prep. by V.S. Baevskii. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 439–502. (In Russ.)
3. Bakuntsev, A.V. *I.A. Bunin v Pribaltike: Literaturnoe turne 1938 goda [I.A. Bunin in the Baltics: Literary Tour of 1938]*. Moscow, House of the Russian Abroad named after A. Solzhenitsyn Publ., 2012. 156 p., ill. (In Russ.)
4. Bogdanov, A.A. “Valerii Petrovich Semenov-Tian-Shanskii. Russkii iurist i finskii khudozhnik” [“Valery Petrovich Semenov-Tyan-Shansky. Russian Lawyer and Finnish Artist”]. Bogdanov, A.A., T.P. Borodina, and P.M. Polian. *Khudozhestvennoe nasledie sem’i P.P. Semenova-Tian-Shanskogo: kniga-katalog [The Artistic Heritage of the P.P. Semenov-Tyan-Shansky Family: Book-Catalog]*, ed. by M.A. Semenov-Tian-Shanskii. Voronezh, Publishing House named after E.A. Bolkhovitinov, 2024, pp. 93–103. (In Russ.)
5. Bogdanov, A.A. “‘Tsvetok belozor’ semeistva Semenovvykh-Tian-Shanskikh” [“‘The White-Flower’ of the Semenov-Tyan-Shansky Family”]. Bogdanov, A.A., T.P. Borodina, and P.M. Polian. *Khudozhestvennoe nasledie sem’i P.P. Semenova-Tian-Shanskogo: kniga-katalog [The Artistic Heritage of the P.P. Semenov-Tyan-Shansky Family: Book-Catalog]*, ed. by M.A. Semenov-Tian-Shanskii. Voronezh, Publishing House named after E.A. Bolkhovitinov, 2024, pp. 25–35. (In Russ.)
6. “Iz perepiski P.P. Semenova-Tian-Shanskogo” [“From the Correspondence of P.P. Semenov-Tyan-Shansky”], publ. by M.A. Semenov-Tian-Shanskii and A.Iu. Zadneprovskaiia. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2007–2008 gg. [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2007–2008]*, ex. ed. T.S. Tsarkova. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2010, pp. 316–331. (In Russ.)
7. Ioffe, E. “Sluga dvukh gospod” [“The Servant of Two Masters”]. *Zvezda*, no. 12, 2010. Available at: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1524> (Accessed 14 January 2025).
8. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 110: I.A. Bunin. *Novye materialy i issledovaniia [I.A. Bunin. New Materials and Research]*, book 1, ed.-comp. O.A. Korostelev and S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 1184 p., ill. (In Russ.)
9. *Memuary P.P. Semenova-Tian-Shanskogo: v 5 t. [Memoirs of P.P. Semenov-Tyan-Shansky: in 5 vols.]*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2019. (In Russ.)
10. “Pis’mo I.A. Bunina k M.N. Semenovu 1950–1951 gg.” [“Letters from I.A. Bunin to M.N. Semenov, 1950–1951”], preface, publ., and comm. by L.G. Golubeva and S.N. Morozov. *Moskva*, no. 2, 2004, pp. 217–222. (In Russ.)

11. "Pis'ma — bol'she, chem vospominaniia...". *Iz perepiski sem'i Semenov-Tian-Shanskikh i sester A.P. i V.P. Shneider* ["Letters More Than Memories..." *From the Semenov-Tyan-Shansky Family and Sisters A.P. and V.P. Shneider Correspondence*], comp. by M.A. Semenov-Tian-Shanskii and A.Iu. Zadneprovskaia. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012. 680 p. (In Russ.)

12. *Rossiiskii zarubezhnyi s'ezd, 1926. Parizh: Dokumenty i materialy* [Russian Congress Abroad, 1926. Paris: Documents and Materials]. Moscow, Russkii put' Publ., 2006. 848 p. (INRI. Seriiia "Issledovaniia noveishei russkoi istorii". Vyp. 6) (In Russ.)

13. Semenov-Tian-Shanskii, V.P. *To, chto proshlo: v 2 t.* [What Has Passed: in 2 vols.]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2009. (In Russ.)

14. Semenov, M.N. *Vakkh i Sireny* [Bacchus and the Sirens], comp., text prep, trans. from Italian, comm., and introd. article by V.I. Keidan. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 674 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.01.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 16.01.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025